

18+

ВАНДЕР ОПТИКА

РОЗАРИЯ МУНДА

Young Adult. Драконорожденные

Розария Мунда

Власть огня

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Мунда Р.

Власть огня / Р. Мунда — «Эксмо», 2019 — (Young Adult.
Драконорожденные)

ISBN 978-5-04-171305-8

Ли Эта история написана кровью. Когда девять лет назад династию драконорожденных свергли, в живых остался только я – сын Повелителя драконов. Сегодня я один из претендентов на звание Первого Наездника на турнире. Я готовлюсь отомстить за расправу над родными и вернуть власть. Но чего мне это будет стоить? Энни Я чудом уцелела в огне войны, который разожгли драконорожденные. Сегодня я мечтаю отомстить тем, от чьих рук сгорела моя семья. Наша дружба с Ли зародилась много лет назад, но теперь нам придется сражаться друг против друга. Да начнется игра, и победит сильнейший. Иначе все, что нам было дорого, навсегда превратится в пепел...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-171305-8

© Мунда Р., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
1	7
2	14
3	30
4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Розария Мунда

Власть огня

Rosaria Munda

Fireborne

Copyright © 2019 by Rosaria Munda

© Зайцева Д., Прохорова А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

Позже о нем будут говорить как о Первом Защитнике, при нем город полностью изменится. Крепостные обретут свободу, будут построены школы, а драконов впервые оседлают простые смертные.

Но прежде он стал зачинщиком самой кровавой революции в истории его народа.

Он никогда не сомневался в том, что сумеет построить город, в котором будет процветать справедливое общество. И был уверен, что представители старого режима заслуживают смерти. Но иногда он испытывал сожаление из-за того, как именно это случилось, когда Дворец наконец был захвачен.

Он хорошо помнил момент, когда обнаружил представителей правящей династии в руках мучителей. Повелителю драконов сохранили жизнь, чтобы он мог наблюдать за расправой. В живых оставили только его и его младшего сына. Это был мальчик семи-восьми лет с безучастным выражением на залитом кровью лице. Остальные члены семьи, бездыханные, лежали рядом.

– Немедленно прекратите, – воскликнул Первый Защитник, приблизившись вместе с солдатами.

Повстанцы отпустили мальчика, которого пытали, и попытались оправдаться:

– Неужели ты не знаешь, что этот Леон Грозовой Бич натво...? – И тут же умолкли, когда Повелитель драконов, стоящий на коленях на залитом кровью ковре, вдруг заговорил.

– Мой сын... – произнес он на языке, который понимал и Первый Защитник. – Атрей, прошу тебя...

Первый Защитник искоса взглянул на ребенка.

– О Лео позаботятся.

Он вполголоса отдал приказ одному из своих солдат. Тот вздрогнул, но, помедлив, взял на руки сына Повелителя драконов. Когда он унес из комнаты безмолвного, обмякшего мальчика, предводитель повстанцев склонился над Повелителем драконов.

– Эти... животные... – проскрежетал Повелитель драконов.

Первый Защитник не стал спорить. Вместо этого он коснулся рукояти кинжала за поясом. Он посмотрел в глаза Повелителю драконов, словно задавая тому безмолвный вопрос. Повелитель закрыл глаза и кивнул.

Но затем, к удивлению Первого Защитника, заговорил.

– Твои убеждения, – произнес он. – Неужели ты действительно считаешь, что они того стоят, Атрей?

Первый Защитник вытащил кинжал.

– Да, – коротко ответил он.

В последующие годы он часто размышлял над вопросом Повелителя драконов. И хотя многие детали Революции начинали постепенно стираться из памяти, он не забывал о Леоне Грозомом Биче.

Однако сын Леона стал именно той деталью, о которой он забыл.

1

Послания из министерства

Девять лет спустя

Ли

Утро – наше любимое время для полетов. И сегодня, несмотря на приближающийся турнир и пустую арену внизу – словно напоминание, что скоро за нами, впервые в жизни, станут наблюдать тысячи глаз, – я нахожу силы насладиться видом большого города, раскинувшегося под крыльями дракона. Плотно прижавшись к спине существа на повороте, я заглядываю в черный бездонный глаз Пэллора. Нить эмоций и мыслей, обычно связывающая нас, когда я оказываюсь в седле, натягивается до предела. Да. Сегодня все произойдет. Мы возвысимся.

Но для того, чтобы это произошло, мне необходима полная ясность мыслей. Я осторожно освобождаюсь от влияния горячего нетерпения Пэллора и концентрирую внимание на арене. С нами летят еще два наездника: каждый оседлал двух породистых особей. Крисса и ее дракон породы небесных рыб парят над нами, а Кор на своем драконе породы грозового бича скользит внизу, вздымая тучи пепла над трибунами. Сегодня наша последняя репетиция, на этот раз только с предводителями эскадрильи.

Я повысил голос, чтобы перекричать ветер:

– Ты летишь слишком низко, Кор.

Кор огорченно заворчал, заставив своего дракона подняться выше. Мы много раз репетировали воздушный танец, открывающий турнир, перед чиновниками из министерства, но вопрос о том, как достойно продемонстрировать мощь дракона породы грозового бича, оставался открытым. До Революции драконы из рода грозового бича – моей семьи – приобрели дурную славу, потому что терроризировали сельскую местность. Но даже в прежние времена они были для нашей страны самым надежным средством защиты от вторжения неприятеля с воздуха.

– Нам сказали выпускать огонь ниже, – сказал Кор.

– Но не настолько низко. Это опасно для зрителей.

Наши драконы еще совсем юные, не больше лошади, и пока не способны дышать огнем. Но дым, вырывающийся из их пасти, уже способен обжечь.

Крисса и ее небесная рыбка, длинная, изящная, с бледно-голубой кожей, сливающейся с утренним небом, кружились над нами.

– Твоя задача – произвести впечатление на людей, – крикнула она Кору. – А не поджарить их.

Кор лишь отмахнулся:

– Ладно, ладно...

Флотилия все еще тренировалась, драконы и наездники действовали сообща. Теперь их называли стражниками, эти наездники драконов нового режима набирались из простолюдинов и даже бывших рабов. Среди них больше не было отпрысков повелителей драконов.

За исключением меня, хотя я единственный, кто знал об этом.

Потому что после Революции все, в чьих жилах текла кровь повелителей драконов, были обречены на смерть. Я, урожденный Лео, сын Леона, Повелителя драконов из дома Грозового Бича и Дракара Дальних гор, но в приюте получил новое имя – Ли. И даже Первый Защитник, который спас мне жизнь и два года спустя включил в программу обучения стражников, не знал правды.

А правда заключалась в том, что принятие потомка Грозового Бича в меритократическую¹ программу по обучению наездников противостояло принципам борьбы самого Защитника и его сподвижников.

И хотя я понимал, что мне крупно повезло оказаться здесь, удалось остаться в живых и вырваться из приюта, воспоминания о прежней жизни не давали покоя, терзая душу. Особенно сегодня, когда мы с Пэллором кружили над дворцовой ареной, впервые открытой публике после Революции. При старом режиме здесь тоже проводились турниры. И я присутствовал на этих состязаниях, наблюдая за отцом и мечтая, что однажды тоже смогу принять в них участие.

Я наклонился вперед, положив руку в перчатке на покрытую серебристой чешуей шею Пэллора, и его крылья, прозрачные в утреннем свете, напряглись, когда он начал снижаться. Пэллор – аврелианской породы, небольшой, осторожный и маневренный, но для участия такого дракона в сегодняшней церемонии мне необходим партнер. Я мог бы репетировать и один, но чтобы все вышло идеально, мне нужна...

Энни. А вот и она.

Самка аврелианского дракона, чешуя которой окрашена в янтарный цвет, появилась из разверстой пасти пещеры, открывавшейся у входа на арену. На ее спине сидела моя партнерша Энни. Мы долгое время тренировались с ней в программе подготовки стражников, но познакомились еще в приюте.

И это та часть нашей жизни, о которой нам совсем не хотелось вспоминать.

– Энни! – радостно поприветствовала ее Крисса, помахав рукой. – Наконец-то.

– Без тебя Ли носится здесь как последний идиот, – заметил Кор.

В ответ мы с Пэллором выдули вниз струю горячего дыма. Но Кор с хохотом увернулся.

Услышав замечание Кора, Энни скривила губы, но вместо ответа плавно скользнула вперед, заняв позицию напротив меня. Ее дракон, Аэла, повторял все движения Пэллора, словно в зеркале. Темно-рыжие косы Энни разметались по спине, веснушчатое лицо приняло сосредоточенное выражение. Я всегда считал Энни красивой, ослепительно красивой, однако никогда не говорил ей об этом.

– Начнем сначала? – предложил я.

Ответом были возгласы одобрения остальных.

Нам удалось исправить ошибки, лишь когда колокол пробил час. Арена внизу, Дворец с одной стороны и карстовая колонна², подпирающая Крепость – с другой, зубчатые крыши, поля, сбегаящие к морю, – все это на мгновение заставило меня ощутить жажду власти, чувство сродни собственничеству, словно я владею этим городом и островом, раскинувшимся внизу. В моей голове эхом пронеслись клятвы, которые мы давали, вступая в ряды стражников: «Я и все, чем обладаю, всецело принадлежит Каллиполису. Крыльями своего дракона я обязуюсь охранять его...»

Сегодня восемь стражников будут бороться в решающем состязании турнира за звание Первого Наездника, командира воздушной флотилии. И я вхожу в число этих восьми вместе с Энни, Кором и Криссой. В течение нескольких недель между тридцатью двумя драконьими наездниками проходили отборочные туры.

Впервые после Революции Каллиполис должен был назвать имя Первого Наездника, и это было одно из немногих почетных званий, оставшихся нам в наследство от старого режима. Драконы революционного флота заматерели, а их наездники стали достаточно мастеровиты, чтобы побороться за место, пустовавшее после Революции. Для других стражников борьба за

¹ Меритократическая программа – программа, построенная на принципах меритократии. В свою очередь, меритократия (с лат. «власть достойных») – это принцип управления, согласно которому руководящие посты занимают наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка.

² Карстовая колонна – колонна, образованная растворением горных пород под действием воды.

почетное звание Первого Наездника была возможностью проверить, чего они стоят, но для меня это было нечто большее.

Первый Наездник – то, о чем я мечтал еще до Революции. Это звание объединяло в себе признание, власть и уважение – то, что моя семья потеряла в один кровопролитный месяц, когда мне было всего восемь, и помогло бы вернуть их.

Первый Наездник.

Внизу, в отдалении, послышался бой часов на дворцовой башне. Я встряхнулся.

– Нам надо идти на завтрак. Горан сказал, чтобы вся группа была готова к этому времени.

Мы опустились в Орлиное Гнездо – на выступающую каменную платформу, возвышающуюся в центре арены, и, спешившись, сняли с драконов седла и отпустили в гнезда, скрытые в недрах пещер внизу. Мы вернулись во Дворец. Остальные тридцать с лишним студентов из корпуса стражников неторопливо направлялись в трапезную Обитатели из общежития. В трапезной голые каменные стены и высокие узкие окна. На завтрак обычно подают слегка подгоревшую овсянку. И хотя мы формально считаемся жителями Дворца, живем в помещениях, которые до Революции были комнатами для прислуги.

– Что-то вы рано.

Да, младший брат Кора, подвинулся, освобождая место на скамье, где сидел с друзьями. И хотя у Дака с Кором одного оливкового оттенка кожа и вьющиеся волосы, они полные противоположности. Кор часто мрачен, в то время как на лице Дака сияет улыбка. Энни с удовольствием устроилась на скамье рядом с Даком. Им по шестнадцать, они на год моложе большинства. И хотя это было единственное, что объединяло их, они оставались друзьями, потому что, судя по всему, Дак обожал непростые задачи. Нелегко заставить Энни улыбнуться, но у Дака это отлично получалось.

Вытащив ложку из каши, Дак направил ее на Энни.

– Ну, ты готова к великому дню?

Энни презрительно фыркнула, но на ее щеках появился румянец – редкое проявление амбициозного настроения, который она обычно старается не показывать. Она снова ссутулилась. Оказавшись на земле, Энни всегда ссутулится, словно старается казаться незаметной. И такое поведение ярко контрастирует с ее уверенностью в воздухе.

– У тебя сегодня тоже великий день, – обратилась к Даку Крисса уверенным голосом, которым она обычно подбадривала наездников своей эскадрильи.

Да, Дак расправил плечи, его улыбка слегка померкла.

– Давай не будем опережать события.

Да, как и мы, сумел выбиться в четвертьфинал. Обычно он показывает отличные результаты, но многое зависит от того, удастся ли ему справиться с волнением и кто его противник.

– Волнуешься, Дориан?

Кстати говоря. Пауэр, один из наиболее перспективных наездников драконов грозного бича, приблизился к нашему столу, вернувшись из буфета. Он положил руку Даку на плечо, словно подбадривая его, и быстро провел другой рукой по гладко выбритым черным волосам, бросив на меня пронизывающий взгляд. Мы с Пауэром примерно одного роста и телосложения, и мне всегда казалось, что мы оба оцениваем друг друга, каждый раз встречаясь взглядами.

Да, замер.

– А ну-ка, убери руки, – процедил он сквозь зубы.

Кор с громким стуком поставил стакан на деревянный стол. Я положил ложку в миску с кашей.

Но всех нас ждало разочарование, Пауэр убрал руку. В последние годы он стал осторожнее.

– Нервничаем, да?

Он неторопливо направился к свободному месту между Дарием и Алексой, которые встревоженно наблюдали за происходящим. Дак, облегченно расправив плечи, с отвращением рыгнул.

– Иногда, – задумчиво произнес Кор, – я скучаю по тем дням, когда сынкам патрициев вроде Пауэра все сходило с рук и только мы могли поставить их на место.

– А я – нет, – пробормотал Дак.

Во времена старого режима моя семья принадлежала к правящим кругам рожденных драконами, а семьи патрициев, вроде семьи Пауэра, стояли гораздо ниже по положению. Они были богаты, но у них не было драконов. Пауэр же сохранил привычное для патрициев презрение к простолюдином вроде Кора и Криссы и особенно к Энни, которая была не просто простолюдинкой, а принадлежала к числу бывших рабов.

– Уверена, что Горан тоже скучает по этим старым добрым временам, – пробормотала Крисса.

Она, прищурившись, уставилась на вход в трапезную, когда в дверях показался единственный взрослый мужчина. Горан – наш патрицианский боевой инструктор, краснолицый пожилой офицер в отставке. Он говорит с едва заметным акцентом, доставшимся в наследство от драконьего языка, который становится более отчетливым, когда он желает напугать наездников-простолюдинов. Этот человек всегда казался мне знакомым, и это слегка тревожило. Вероятно, наши пути пересекались в прошлом, но он не узнавал меня, и это меня вполне устраивало. И если преданность Горана Атрею была очевидна, то его верность идеалам Революции – едва ли. Прежде чем Атрей занял твердую позицию, Горан позволил Пауэру и другим патрицианским стражникам выйти сухими из воды.

– Доброе утро, стражники, – произнес Горан. – Готовы услышать список пар для сегодняшнего выступления?

Все вокруг умолкли, и Горан принялся зачитывать список.

– Сегодня Энни будет выступать против Дария...

Дарий, один из патрицианских приятелей Пауэра из эскадрильи грозового бича, обернулся и уставился на Энни, и я с удовольствием отметил, что его привычная веселая бравада сменилась мрачным выражением лица. Скрестив руки на груди, Энни в ответ смерила его сердитым взглядом.

– ...Кор против Рока...

Несмотря на то что это был неплохой выбор, Кор нахмурился, просчитывая наперед, кто может достаться в противники Даку.

– Дальше идут Ли и Крисса...

Крисса издала громкий стон и театрально закрыла ладонями лицо, а затем уставилась на меня. Лицо Криссы, вечно загорелое, обрамленное темно-золотистыми кудрями со светлыми прядями, располагало к себе, и, взглянув на нее разок, отвести взгляд будет сложно. Она лукаво подняла бровь.

– Смотри не проиграй, Ли.

Я почувствовал, что краснею, и это никак не было связано с выбором противника. Крисса ухмыльнулась. Кор закатил глаза.

После нас должны были объявить последнюю пару, которая была теперь очевидна для всех.

– И, наконец, Пауэр выступит против Дака.

Пауэр выдал тройную барабанную дробь, однако лишь он один казался довольным. Дак сжался на скамье, Кор напрягся. Энни опустила руку и сжала ладонь Дака под столом. Дак – единственный человек, к которому Энни прикасалась добровольно и делала это очень часто. И теперь, когда она взяла его за руку, он заметно слотнул.

Если верить Кору, между ними ничего не было. Но даже если он ошибался, совершенно очевидно, что Дак был от нее без ума. Она уже давно нравилась ему, и все же Энни продолжала прикасаться к нему вот так, как бы невзначай, словно они все еще были детьми. По крайней мере, мне так казалось. Когда-то Энни точно так же прикасалась ко мне в приюте. Однако она перестала это делать, когда мы оказались здесь.

Дак поймал мой взгляд, и мы оба отвели глаза.

– До церемонии остался час, – сказал Горан, – поэтому советую поторопиться. К кому из вас сегодня приедут близкие?

Многие подняли руки. Почти все, лишь мы с Энни вполне предсказуемо не должны были. Но неожиданно я увидел, как Энни слегка приподняла ладонь над столом. Она смотрела на свои пальцы с таким видом, будто не верила своим глазам.

Это было совершенно бессмысленно. Откуда у Энни родственники?

– Оставим встречи до конца церемонии, – заявил Горан. – Но потом можете быть свободны. Мадам, Мортмейн выпишет вам пропуска около выхода из Обитали. Есть вопросы?

Вопросов не было, и в это мгновение Горан посмотрел на меня.

– Ли, Энни, оставайтесь на пару слов.

Я не помнил, когда в последний раз Горан изъявлял желание поговорить с Энни. Мы остались за столом, другие собрались и ушли, а Горан занял свободное место во главе стола. Я явственно ощутил напряжение, сковывавшее Энни в его присутствии. И хотя много лет прошло с тех пор, как он откровенно издевался над ней, нагружая дополнительной работой, занижая оценки, высмеивая в Орлином Гнезде, Горан так и не перестал считать присутствие Энни в корпусе чрезвычайно оскорбительным. Казалось, что сочетание ее происхождения с полом несло в себе слишком большую степень новомодных порядков, введенных Атреем, чтобы их можно было терпеть в одном человеке.

– Я получил в министерстве записки для вас обоих.

Он протянул мне мою записку, а Энни отдал ее. Как обычно, он избегал смотреть на нее, словно девушка была чем-то неприятным, что не следовало держать в поле зрения.

Моя записка была скреплена печатью Атрея Атанатоса, Первого Защитника.

– Прочтете их позже, – сказал Горан. – Вы свободны.

Мы вышли в коридор и вскрыли конверты. Атрей написал одну-единственную фразу. Я прочитал ее, и впервые за сегодняшний день острый всплеск нервного возбуждения обжег мои внутренности.

Удачи, Ли.

Я поднял глаза. Энни, затаив дыхание, все еще читала свою записку. А затем, расправив плечи, она отвела взгляд от нее.

– Нам надо в арсенал, – сказала она.

Когда мы пришли на склад, наш корпус уже начал спуск в подземные пещеры к гнездам драконов. Мы с Энни отправились вместе с другими наездниками в сторону жилищ аврелианских драконов, все вокруг натягивали на ходу огнеупорные костюмы, закрепляли броню и накидывали на плечи сети, чтобы отнести их в пещеры. Пахло кожей, потом и пеплом: запахи драконьих скачек.

Я почувствовал, как что-то уткнулось в мою ладонь, это Энни сунула мне свою записку и отвернулась. Она предлагала мне прочитать ее, но не хотела смотреть, как я это делаю.

Наши кабинки находились бок о бок, и последние годы я старался смотреть на что угодно в мире, только не на то, как Энни передевается. И сегодня я остановил взгляд на ее записке. На конверте была печать Министерства Пропаганды, а не Первого Защитника. В ней говорилось:

МИНИСТЕРСТВО ХОТЕЛО БЫ НАПОМНИТЬ АНТИГОНЕ
СЮР АЭЛА О ВЫСОЧАЙШИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ НАЕЗДНИКОВ
ЧЕТВЕРТОГО ОРДЕНА ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ И НАСТОЯТЕЛЬНО

ПРОСИТ ЕЕ КАК СЛЕДУЕТ ПОДУМАТЬ, СМОЖЕТ ЛИ ОНА ВЫПОЛНИТЬ ДАННЫЙ ЕЮ ОБЕТ ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА СЛУЖИТЬ ИНТЕРЕСАМ ГОСУДАРСТВА.

Они хотели, чтобы она проиграла.

Рядом со мной Энни облачилась в огнеупорный костюм. Черная кожа, устойчивая к жару и огню, плотно облегла ее тело, рыжая копна волос, заплетенная в косички, рассыпалась по ткани. Она не пыталась обсудить со мной записку, пока поблизости были другие, и потому мы закончили подготовку в полном молчании. Пристегнули пластины доспехов, выкованные из драконьей чешуи, поверх огнеупорных костюмов и тщательно закрепили их. Когда последний наездник вышел из арсенала и мы остались наедине, Энни забрала свою записку.

– А что написано в твоей? – поинтересовалась она.

Меньше всего мне хотелось показывать ей записку от Атрея. Я медлил.

– Пожалуйста, – тихо попросила она.

И, не дожидаясь моего ответа, она вытащила мою записку из кабинки. Прочитав ее, она опустила на скамью рядом со мной.

– Мои поздравления, – сказала она.

В ее голосе не было ни тени горечи или ревности, в нем прозвучала усталость.

– Ты – тот самый крестьянин, который им нужен, – добавила она.

«Крестьянин» – одно из слов, запрещенных после Революции, за исключением употребления в историческом контексте. Не помню, чтобы Энни когда-либо произносила его раньше. Точно не в отношении себя.

И не в отношении меня, хотя официально я относился именно к этому сословию все то время, что мы были знакомы. Этот ее промах я осознавал еще со времен приюта, когда еще не слишком хорошо умел скрывать свое истинное происхождение, однако с тех пор она продолжала хранить молчание.

Я заговорил, пытаюсь унять нарастающее беспокойство:

– Это не так... Атрей никогда не стал бы об этом думать...

Запрокинув голову, Энни изучала потолок.

– Атрей стал бы. Ему нужны наездники в Четвертом Ордене, которые пройдут испытания у элиты.

Четвертый Орден – подразделение, которое должны были основать четыре наездника, победившие в сегодняшних состязаниях. Вхождение в Орден станет свидетельством того, что эти четверо – самые искусные наездники из тридцати двух стражников в корпусе. И это самое высокое звание во флоте после Первого Наездника.

– Ты говоришь о...

– Я говорю о преемственности.

Я замер, услышав это слово, а у Энни заметно перехватило дыхание из-за того, что она осмелилась произнести его вслух.

Прежде чем Атрей мог бы закончить свое правление, ему необходимо было выбрать преемника среди лучших и умнейших стражников. Следующего Защитника. И выбирали в основном из Четвертого Ордена.

– Он думает о преемнике, – повторила Энни, – и ему нужны крестьяне, которые ведут себя не как все.

Я ответил сквозь стиснутые зубы, ту же затягивая ремни нарукавника:

– Ты ведешь себя не как все.

Энни слабо усмехнулась. Мы знали, что это неправда. Я догадывался, что было написано в ее досье в министерстве: Энни отличается излишней почтительностью, чересчур сдержанна и не умеет выступать на публике. Сколько я ее помню, она была лучшей ученицей в классе, но никогда не поднимала руку.

Она могла бы все это преодолеть. Попытаться обрести уверенность в себе, потому что у нее был огромный потенциал. Но как она могла что-то изменить, как могла даже подумать, что возможно что-то поменять, после такого сообщения из министерства?

Возможно, здесь что-то другое. Что-то, не связанное с этим.

– Ты сказала, что сегодня приезжает твоя семья?

Я робко задал этот вопрос, думая, что, возможно, вообще не стоило ее об этом спрашивать. Энни опустила глаза, а затем покачала головой.

– Не семья. Друзья... из моей деревни.

«Моя деревня» – это еще два слова, которые Энни старается не произносить. Она произносит их отчетливо, словно иностранные.

– Они написали, – продолжила она. – Письмо. Это не от родителей, они не умеют писать. – Я рискнул взглянуть на нее и заметил, что она покраснела, произнесла слово «писать». – Но сын друзей учился в школе после Революции и поэтому умеет. Он написал, что они приедут. Я некоторое время жила в этой семье до того, как попала в Элбанс.

Элбанс – это наш приют. Раньше она никогда не рассказывала мне о своей жизни до приюта.

Она поправила волосы, смахнув несколько прядей со лба и убрав их за ухо.

– Мы не виделись с тех пор, как... – Она взглянула на меня, и я вдруг осознал, что пристально смотрю на нее, и отвел взгляд. Она тоже опустила глаза и принялась натягивать ботинки.

– Не сомневаюсь, что, если ты попадешь в Четвертый Орден, они будут гордиться тобой, – сказал я. – Наверняка для каждого, кто приехал из сельской местности, возможность посмотреть этот турнир значит многое. Ты...

Не отрываясь от своих ботинок, Энни мягко спросила:

– Что я?

И я услышал, как произнес это. Слова, которые стыдно было бы слышать моему отцу, особенно от меня.

– Ты попадешь в историю.

Энни потянулась за своим шлемом, другой рукой в перчатке упершись в колени, и встала. На ее губах промелькнула кривая усмешка, и она вскинула брови, взглянув на меня. Заговорив, она не стала утверждать, что я, несмотря на свое предполагаемое низкое происхождение, тоже прославлюсь.

Она словно знала, что это не так. Словно чувствовала, что я просто отчаянно надеялся, что она повторит эти слова.

– Пойдем, Ли.

2

Четвертый Орден

До встречи с этой девочкой в приюте мальчик жил словно лунатик. Безвкусная еда, жесткая постель холодными ночами, издевательства и побои – все это он проживал с закрытыми глазами. Позволял окружающим издеваться над собой. Позволял избивать себя. Они были для него ничем. Их слова отпечатались в его памяти, когда он смотрел, как умирает его семья.

Вместо того чтобы слушать, он вспоминал. Перебирал в памяти образы своих близких, смех сестры, шутки брата, голос мамы. Мир, полный света и тепла, огромные каминные, которые растапливали слуги, вычурные высокие окна с видом на Огненную Пасть, роскошные люстры над столами, ломившимися от яств. Он вспоминал своего отца в суде, в полном великолепии принимавшего посетителей. Он вспоминал, как поднимался в воздух, а город проплывал внизу, мальчик чувствовал крепкую руку отца и слышал хлопанье крыльев дракона в воздухе. Ее звали Алетей, и иногда отец разрешал приносить ей лакомства со стола.

– Однажды, – говорил отец, крепко обнимая его и глядя на горные хребты, простиравшиеся под крыльями Алетей, – все это станет твоим, если дракон выберет тебя. И ты научишься управлять страной, как и я.

– А твой отец учил тебя?

– Он научил меня всему, что знал. Но большая часть знаний была дана мне от рождения, Лео. И так же произойдет с тобой. Мы были рождены, чтобы править, так же, как простолудины были рождены, чтобы служить нам.

Он долгое время мог витать в этих воспоминаниях. А когда они иссякали, он придумывал себе будущее: дракона, который бы избрал его, пламя драконов, властью над которым он будет обладать, возмездие над людьми, которые отняли у него все. Он представлял, как однажды заставит их за все заплатить.

Когда он об этом думал, реальный мир и другие воспоминания отступали. И потому больше всего было возвращаться обратно в настоящее.

Но однажды он познакомился с девочкой.

Он увидел через дверь, что одного маленького ребенка травят два ребенка постарше. Девочка боролась. Это было ему знакомо.

Но внезапно впервые за время своего пребывания в приюте он не стал избегать борьбы и насилия.

Приблизившись к детям, он достал из кармана кухонный нож. Слова на чужом языке прозвучали медленно и неуклюже, но он все-таки произнес их.

– Оставьте ее.

Увидев нож, обидчики разбежались.

Присев на корточки перед девочкой, он вдруг понял, что знает ее. Она училась вместе с ним в одном классе, хотя была по меньшей мере на год младше его и других одноклассников. У нее были худые руки и ноги, всклокоченные медные волосы и изрядно потрепанная одежда даже по меркам приюта. Он смотрел на нее и поражался, какой хрупкой и маленькой она выглядела.

Тогда он впервые подумал так о ком-то другом, ведь в своей семье он был самым маленьким.

– Не стоит сопротивляться, – сказал он. – Они станут изводить еще сильнее, если начнешь бороться. И будет только больше...

Он умолк.

Девочка пожала плечами, взглянув на него, ее лицо было мокрым от слез, но в ее глазах он увидел гнев и решимость, так хорошо ему знакомые.

– Иногда я просто не могу терпеть, – ответила она.

Энни

Никакие тренировки не могут подготовить к виду переполненных трибун арены, знамен, хлопающих на ветру, духового оркестра, исполняющего революционный гимн, и барабанному ритму. Мы с Аэлой наслаждались полетом в ослепительно-синем небе, свежим весенним ветром, глядя на город, радостно приветствующий нас во время открытия церемонии. Такие моменты поражают меня, будто впервые мне приходит в голову, что жизнь, которую я привыкла считать рутинной, на самом деле, поразительна. Сегодня люди, собравшиеся на трибунах внизу, смотрели, как простолюдины, подобные им, летают на драконах. И при мысли об этом невольно начинаешь испытывать гордость за свою страну.

Даже если твоя страна не испытывает гордости за тебя.

При мысли об этом на меня накатила грусть, но сквозь седло я ощущала тепло тела Аэлы, и ее присутствие успокаивало. Я словно слышала ее мысли. «Держись. Успокойся. Только не сейчас». Сколько я себя помню, Аэла всегда помогала мне справиться с чувствами, с которыми я сама не могла совладать. Даже в самом начале, когда я была ребенком и меня часто мучили ночные кошмары об огне драконов. Но Аэла помогла мне избавиться от них. Драконье утешение за драконьи преступления. Что сказали бы люди из моей деревни? Что подумали бы мои родители, братья и сестры? Я никогда не могла ответить на эти вопросы, но рядом с Аэлой они становились неважными.

Сегодня вместе с Ли и Пэллором мы возглавили аврелианскую эскадрилью, промчавшись над головами зрителей, а сияющая морская рыбка металась над ареной чуть выше нас. Во время сегодняшней утренней тренировки Кору удалось поднять эскадрилью драконов грозового бича повыше, так, чтобы горячий пепел драконов не причинил вреда зрителям, сидевшим внизу.

Атрей начал свою речь, когда мы приземлились и отпустили драконов. Даже в отдалении от дворцовой ложи невозможно не заметить присутствие Атрея, не увидеть его коротко стриженные стального цвета волосы, уверенную позу, компенсирующую его скромное, неяркое одеяние. Единственное, что невозможно было понять, – как ему удавалось одним взглядом заставить тебя ощущать себя могущественной. Важной. Необходимой. Когда мы впервые встретились с ним еще детьми, избранными новорожденными драконами нового режима, при звуке его голоса, произнесшего мое имя, по моей спине побежали мурашки. Он связал нас с Аэлой, словно супругов, на правах Повелителя драконов: «Антигона сюр Аэла, произнеси свою клятву».

Я задумалась, каково это было – получить сегодня утром записку от него с пожеланием удачи вместо того предостережения, что пришло мне из Министерства Пропанды? Что чувствовал Ли, читая эти слова? И, вероятно, именно поэтому, находясь сейчас рядом со мной, он казался столь храбрым, с уверенным видом разглядывая ждущую толпу...

Однако Ли никогда не отличался неуверенностью, поэтому записка от Атрея здесь была ни при чем. Это было очевидно с самого начала.

С Ли многое было очевидным с самого начала.

– Граждане Каллиполиса, – провозгласил Атрей, – добро пожаловать в четвертьфинал турнира, в котором будут определены претенденты на звание Первого Наездника. Десять лет назад вы сделали исторический выбор. Вы приняли решение оценивать всех одинаково, выбирать лучших среди простого народа, среди людей, которые могли бы стать драконьими наездниками, и обучать их управлению. Позволить Каллиполису вступить в новую эру величия, обрести могущество благодаря тому, что действительно правильно. Обрести добродетельных

правителей и справедливое правление. За те долгие годы, минувшие со времен прежних драконов, вы позволили мне быть вашим правителем. Теперь же я прошу вас обратить взгляд в будущее. На ваших стражников. На тех четырех, кто сегодня войдет в полуфинал состязания за звание Первого Наездника и образует Четвертый Орден. Через несколько лет я скажу: «Пусть правят самые добродетельные стражники». Но сегодня я говорю: «Пусть победят лучшие».

По трибунам пробежала волна радостных криков, громким эхом разносясь по арене. И в моих жилах вскипела кровь.

Я присела на каменную скамейку рядом с Даком, собираясь смотреть первое выступление. Его брат Кор выступал против Рока, летавшего на драконе грозового бича. Рок происходил из семьи рабов, живших в горной деревне, как и я. У Рока были колючие белокурые волосы, светлая кожа и массивное тело, благодаря которому он и заслужил свое прозвище несколько лет назад³. Когда диктор объявил его настоящее имя, наездники, столпившиеся в Орлином Гнезде, казалось, были удивлены.

– Удачи, Ричард! – закричали они.

Рок добродушно принял насмешку, напоследок дружески похлопав по плечам Лотуса и Дария, а затем вместе с Кором направился по каменному склону ко входу в пещеру.

Впервые после нашего разговора спокойная уверенность Ли, произнесшего то, что я уже знала, и поначалу вселившая в меня уверенность, развеялась. Ли был прав, я попаду в историю, если смогу пробиться сегодня в Четвертый Орден. Но это касалось и Рока. А кому не нравился Рок? Надежный, стойкий, уверенный. Простолудин, который нравился даже детям патрициев...

В моей сегодняшней записке из министерства все было сказано верно. Мне не нравились публичные выступления. И я не любила привлекать внимание к своей персоне. Мне нравилось побеждать, и у меня это получалось, но сейчас дело было не просто в победе на соревновании. Попав в Четвертый Орден, я окажусь на всеобщем обозрении. А мне ужасно этого не хотелось. С этим я не справлюсь. Так?

Но...

Сидевший рядом со мной Дак барабанил ногой по скамейке, волнуясь за брата. Кор и Рок, приблизившись ко входу в пещеру, подули в свистки, прикрепленные к браслетам на запястьях, огласив пещеру звуками, недоступными человеческому уху, однако привычными для их драконов. Поговаривали, что в былые времена наездники умели призывать своих драконов силой мысли, но в течение нескольких веков это искусство было утрачено.

Драконы выползли из пещеры, Кор и Рок запрыгнули к ним на спину и взмыли вверх. Они зависли над ареной в десяти метрах друг от друга, оказавшись на одном уровне со стеной внешних покоев Дворца, но стены вздымались выше, а карстовая колонна, поддерживавшая Крепость, нависала над ними. Прозвучал колокол, Кор рванулся вперед, Рок резко увернулся, и меня вдруг озарило.

У Рока не хватит мастерства победить Кора.

Вряд ли зрители могли это понять, но для меня все было очевидно. Рок на Басте двигался слишком медленно, а Кор на Мауране не выпускал его из виду. И хотя Кор часто промахивался, опьяненный битвой, Рок не успевал увернуться. На турнире использовались залпы безогневого драконьего пламени – дымового вещества под названием пепел, который обладал достаточным жаром и при соприкосновении с доспехами участников оставлял на них темные подпалины. Попадание в туловище считалось смертельным, в руки и ноги – штрафным, а три штрафных попадания также считались смертельными.

– Давай, Кор!

³ Рок (англ. Rock) в переводе означает камень, скала, валун.

Дак вскочил со скамейки, склонившись над перилами ограждения вокруг Орлиного Гнезда, и, шурясь от яркого солнца, вглядывался вперед. Когда Рок нанес первый штрафной удар, – удачный выстрел, опаливший руку Кора, – Дак шумно втянул воздух, словно ощутив боль от ожога.

– Пламя драконов грозового бича. Говорят, ничто не обжигает столь сильно, – заметил Пауэр, присаживаясь на скамейку рядом с Даком. На земле он вел себя так же, как в воздухе, гибкий и хищный, как крадущийся дикий кот. Он зажал шлем под мышкой, солнце золотило его бронзовую кожу и ровную кромку волос. Дак заметно напрягся, но не обернулся к нему.

– Хочешь что-нибудь сказать, Энни? – добавил Пауэр.

Чтобы поиздеваться надо мной, Пауэр всегда спрашивал моего мнения о пламени драконов грозового бича. В такие моменты ему нравилось разглядывать мое окаменевшее лицо. Спустя столько лет это стало почти традицией.

Дак стиснул кулаки. В детстве намеки Пауэра на то, что произошло с моей семьей, доводили Дака до ярости, и он бросался в драку. Но он всегда проигрывал. У Пауэра были железные мускулы, и дрался он скорее как уличный оборванец, а не сын патриция.

– Что тебе надо? – прорычал Дак.

Пауэр еще ближе наклонился к Даку. Его голос прозвучал тихо и ласково.

– Долгой медленной прожарки.

Дак сжался, и я ободряюще коснулась его руки.

– Оставь нас в покое, – сказала я Пауэру.

Мы не повышали голоса, но наш разговор привлек внимание наездников на соседних скамейках. Ближе всех к нам оказались Ли и Крисса. Заметив мой успокаивающий взгляд, Ли остался на месте, но по-прежнему не сводил с нас глаз. Он словно выжидал, готовясь в любой момент прийти на помощь.

Теперь Пауэр полностью переключил внимание с Дака на меня, словно дракон, почуявший новый запах. Его темно-карие глаза вперились в меня, и он улыбнулся ослепительной белозубой улыбкой. Он слегка склонил передо мной голову, насмешливо выражая свое почтение в стиле старого режима, словно я принадлежала к драконорожденным.

Я ощутила, как краснею. Когда Пауэр крадучись ушел прочь, Дак стряхнул мою руку. И хотя он снова устался на арену, наблюдая за поединком брата, его дыхание стало спокойным.

– Слушай, Энни.

– Да?

– Не хочешь в перерыве познакомиться с моей семьей?

– Я думала, мы должны дождаться конца...

– Думаю, мне лучше увидиться с ними раньше.

Я подумала о глазах Пауэра, горящих от ярости, и почувствовала свою беспомощность от того, что должна молча смотреть на страдания Дака. Пауэр на Итере уничтожил всех своих прежних соперников.

– Хорошо.

Дак оторвался от арены и хитро взглянул на меня. Ветер трепал его вьющиеся волосы, и он вдруг робко, но одновременно упрямо расправил плечи, словно его шутка могла сойти за акт неповиновения. Когда мы познакомились с ним, он взял меня за руку и отвел на крышу Обители, просто чтобы полюбоваться звездами. Тогда я этого не понимала. Просто смотреть на звезды? Мы можем глядеть на них, когда захотим. «Но только не так, – объяснил Дак. – Вот увидишь. Они прекрасны».

И я не ожидала, что они действительно окажутся столь прекрасными, такими близкими и яркими с высоты зубчатой крыши. Казалось, они совсем близко, и я могу их коснуться. Нас тогда поймали, но это того стоило. Горан впервые отправил меня под арест, после которого я перестала улыбаться.

Толпа рассыпалась. Кор спикировал вниз, бросился к Року и нанес ему третий штрафной удар. Дак издал победный вопль, вскинув кулак в воздух.

Кор сюр Маурана нанес смертельный удар. Поединок завершился.

Теперь я единственная уроженка гор в нашем турнире. Добравшись до Орлиного Гнезда, Кор и Рок спешили, и все их движения выдавали боль от свежих ожогов. Диктор объявил Кора сюр Маурана первым членом Четвертого Ордена, и Кор приветственно помахал рукой трибунам. От избытка адреналина его улыбка выглядела немного безумной. Лотус, друг Рока, осторожно помог ему спуститься с дракона и доковылять до ограждения, а его дракон тем временем направился в пещеры.

– Ты отлично сражался, дружище, – сказал Лотус. Лотус был сыном знаменитого патрицианского поэта, его жесткие волосы, смуглая кожа и худощавое тело делали его полной противоположностью крепко сбитого горца Рока.

Рок потер ладони.

– Ну а теперь будем держать пари на Ли и Крису?

Вступая в ряды стражников, мы давали обеты отречения от земных радостей богатства, брака и продолжения рода, но азартные игры все-таки были не чужды некоторым из нас, особенно Року и Лотусу.

– Конечно, – ответил Лотус. – Я подтяну тебя по драконьему языку, если...

– Вы же знаете, что мы вас слышим, – прервала его Крису. – Полагаю, ты делаешь ставку на меня, Лотус? Ведь я командир твоей эскадрильи.

Лотус громко сглотнул. Ухмыльнувшись, Крису взглянула на Ли и стукнула его кулаком по своей ладони.

– Готов, Ли?

Облаченный в декорированные драконьей чешуей доспехи, задумчивый, темноволосый и сероглазый, с высокими скулами, Ли был больше похож на военачальника, чем на собеседника в шутовском разговоре. Но Крису казалась невозмутимой. И, к моему изумлению, Ли взглянул на нее и вскинул бровь. Его взгляда оказалось достаточно, чтобы Крису зарделась.

Скоро в женском общежитии будут держать другое пари: как быстро флирт Криссы заставит Ли, выражаясь словами Дейдры, уступить. Дейдра и Алекса начали этот спор, и даже Орла в конце концов присоединилась к ним. Крису знала и о пари, и о призе и считала это забавным. Но я избегаю разговоров на эту тему. Здесь не может быть никаких призов.

Ли и Крису прошествовали по наклонному проходу к выходу драконов; хихиканье Дейдры и Алексы, доносившееся с ближайшей скамейки, резало мне уши. Но когда они взвились в воздух, Орлиное Гнездо погрузилось в молчание. Все размышления о флирте Криссы и загадочных ответах Ли отошли на задний план во время его полета.

Я так часто тренировалась вместе с Ли, что мне редко выпадала возможность понаблюдать за ним со стороны. Движения Ли и Пэллора поражали грацией и точностью. Он не промахивался, не ошибался, не сомневался. От этого прекрасного зрелища у меня перехватило дыхание, я сторала от желания сама подняться в небо. Я хотела отражать их атаки и нападать, ощущая упоение от борьбы с тем, кто заставляет летать на пределе сил, выжимая из себя все, на что способен.

Крису была одной из лучших и сильнейших наездниц, летающих на небесной рыбке. Она отлично знала, как использовать в своих интересах природную мощь и подвижность этого дракона. Но даже она не могла противостоять отточенной до остроты тактике боя Ли.

– Почему он постоянно пропускает первую подачу? – пробормотал Рок.

Но он не знал стиля Ли, как знала его я. Ли не пропускал первую подачу. Его интересовал лишь смертельный выстрел.

И вот наконец Крису потеряла терпение и, резко развернувшись, бросилась в атаку. Ли уклонился влево, и в следующую секунду Пэллор выпустил струю пепла. Этот первый залп

и стал решающим в этом матче: на груди Криссы показалось темное пятно. Ли победил без единого штрафного удара.

Когда он приземлился и снял шлем, его лицо, в отличие от лица Рока, не было озарено эйфорией, оно выражало абсолютное спокойствие. Он приблизился к Криссе – на ее лице застыло сдержанное разочарование – и пожал ей руку. Ли сохранял все ту же непробиваемую безмятежность, когда с трибун раздались приветственные крики и диктор объявил его вторым членом Четвертого Ордена. Казалось, он заранее был к этому готов.

Меня охватило странное чувство, нечто среднее между горечью и восхищением, ведь для него это было так естественно. Он не просто победил, он считал, что должен победить.

А следом меня обожгла нежеланная, но беспорная мысль: «Конечно, так и должно быть. Для него это естественно».

«И для тебя это было бы естественно, будь ты драконорожденной».

Это слово показалось мне грязным. Как и «крестьянин», оно было под запретом не только в моем лексиконе, но и в моих мыслях, когда речь шла о Ли. И сейчас оно незаметно проскользнуло в мою душу, но лишь потому, что Ли выглядел так чертовски сдержанно.

Конечно, его происхождение не было подтверждено...

Но оно никогда и не требовало подтверждения.

И это было неважно. Важно было лишь то, что Ли летал как бог. Он прирожденный лидер и мой друг. Он заслужил эту победу. Почему я должна завидовать спокойствию, которое он обретает, занимаясь любимым делом?

Почему я должна завидовать благосклонности Первого Защитника к этому предполагаемому сироте из трущоб, преисполненному необычной уверенности, силы и чувства собственного достоинства?...

Перед двумя финальными поединками между Даком и Пауэром, между мной и Дарием был объявлен двадцатиминутный перерыв. Наездники, принимавшие участие в состязании, спустились по лестнице к выходу из Дворца, где их уже ждали врачи, чтобы оказать первую помощь во время перерыва. Дак коснулся моей руки.

– Ты идешь?

Семья Дака сидела в бронзовом секторе, предназначенном для квалифицированной рабочей силы. Прямо под ним располагался железный сектор для неквалифицированной рабочей силы, а высоко над ними, с двух сторон от дворцовой ложи, виднелся серебряный сектор для *героического* сословия, к которому принадлежали военные, и золотой – для философского. До Революции сословие определялось по праву рождения – простолюдин, патриций, драконорожденный, но при новом режиме люди стали причисляться к тому или иному сословию путем испытаний.

– Кого-то ищешь? – поинтересовался Дак.

Я всматриваюсь в толпу, игнорируя любопытные взгляды зрителей, привлеченных моими доспехами, и ищу знакомые лица из своей деревни. Где же они? Неужели их здесь нет? Они совершенно точно должны быть в бронзовом секторе, ведь фермеры относятся к квалифицированной рабочей силе. Именно в этом секторе они и должны сидеть.

– Дориан! Ты здесь! И Энни!

Нас окружила семья Саттеров. Меня крепко обнимали мать Дака и две его сестры, а его младший брат запрыгнул на скамейку и бросился в объятия Дака. Саттеры, как и сам Дак, всегда оказывали радушный прием.

– Кор все сделал потрясающе, правда? Как думаешь, у него есть шансы стать Первым Наездником?

Дак искоса взглянул на меня, и я подумала, что он тоже размышляет о том, есть ли шансы у Кора теперь, когда Ли тоже вышел в полуфинал.

– Возможно. Но в мирное время титул Первого Наездника не более чем просто почетное звание.

– Может начаться война, – заявила младшая сестра Дака, Мерины. Ее волосы, забранные в конский хвост, хлопали ее по спине, когда она принялась скакать на месте. Как и у всех отпрысков Саттеров, у Мерины смуглая кожа матери, карие глаза и вьющиеся волосы, доставшиеся в наследство от отца.

Дак расхохотался и покачал головой.

– Скорее всего, нет. – И он принялся спокойно объяснять: – У нас хорошие отношения с Дамосом, драконы Исканского Архипелага соблюдают нейтралитет, Бассилеанская Империя уже несколько веков находится в упадке...

Дак не сказал ничего особенного, лишь перечислил основы того, что мы изучали в классе о геополитике в регионе, однако его семья смотрела на него так, словно он сообщил им нечто из ряда вон выходящее. Саттеры владели пекарней в Хаймаркете. Они всегда гордились достижениями Кора и Дака, но с некоторой долей настороженности и непонимания.

В глубоком голосе мистера Саттера прозвучало странное напряжение:

– Но появился Новый Питос. Он представляет для нас угрозу, не так ли?

Эта попытка продемонстрировать знания выглядела столь неуклюжей, что меня охватило чувство стыда. Посадив на спину своего младшего брата Грега, Дак наморщил лоб, думая, что ответить. Мистер Саттер и не догадывался, что только что показал свой низкий уровень знаний. Долгие годы ходили слухи, что на Новом Питосе укрылись выжившие из Трех Семейств, которым удалось ускользнуть во время массовой резни во Дворце в день переворота, но его военная мощь не была внушительной. На острове не было драконов. Или военно-воздушных сил. Даже морского флота, потому что окружавшие его карстовые столбы делали воды вокруг острова почти непреодолимыми. Однако Министерство Пропанды продолжало распускать слухи об угрозе со стороны новопитианцев среди низших сословий. Эти слухи, как чиновники из министерства объясняли им на занятиях, полезны для поддержания патриотического настроения.

Это объяснение, к которому можно относиться спокойно до тех пор, пока твой родной отец, принадлежащий к бронзовому сословию, не повторит его вслух.

Наконец Дак медленно произнес:

– Это правда. Новый Питос существует.

Миссис Саттер уперла постоянно пыльные от муки ладони в бока, словно пытаюсь смягчить напряжение, нараставшее между ее мужем и сыном.

– Будет война или нет, попасть в Четвертый Орден – это большая честь.

Мерины воодушевленно запищала:

– На этой неделе нам рассказывали об этом в школе. Если ты попадаешь в Четвертый Орден, тебя выберут следующим Защитником. Кор будет чаще участвовать в выступлениях, произносить речи и посещать роскошные мероприятия вместе с людьми из золотого сословия, проходить что-то вроде проверки...

Им в школе рассказывали о Четвертом Ордене? При мысли о том, что дети по всей стране говорят о нас, меня охватило беспокойство. Несмотря на то что я напомнила себе, что так и должно было быть. Это ведь имеет значение для них. Мы важны для них.

«Министерство хотело бы напомнить Антигоне сюр Аэла о высочайших обязательствах наездников Четвертого Ордена перед обществом...»

Ана, старшая дочь в семье Саттеров, вздрогнула.

– Это звучит ужасно. Но лучше уж Кор, чем я.

Высокая, костлявая, некрасивая Ана только что озвучила мои чувства. Я почувствовала благодарность.

– Ты уже прошла тест на определение металлической группы сословия? – спросила я.

Ана была на год моложе нас и училась в выпускном классе, в котором обычно проводится металлический тест. Она кивнула и показала мне свое пустое запястье.

– Результаты пока не готовы. Но я знаю, что написала тест хуже, чем Дак и Кор.

После получения результатов Ана наденет тот браслет, который будет соответствовать ее уровню. Бронзовые браслеты ее родителей, знак принадлежности к сословию квалифицированной рабочей силы, поблескивали в лучах солнца. Мы же с Даком стали обладателями редчайших в городе браслетов, золотых с вкраплениями серебряных полосок, что свидетельствовало о том, что во время поиска талантливых детей для вступления в ряды стражников мы показали результаты, причислявшие нас и к философскому, и к героическому сословиям.

Раздался звон колокола. Дак сжался, понимая, что будет дальше. Пауэр.

– Пора возвращаться.

Миссис Саттер обняла меня, и от этого непреднамеренного материнского поступка меня охватило смущение.

– Удачи на поединке. Ты приедешь к нам на праздник летнего солнцестояния? На этот раз никаких отговорок.

– Если потребуется, мы силой притащим к вам Энни и Ли, – заверил ее Дак.

На обратном пути к Орлиному Гнезду я вытянула шею, оглядывая толпу, наводнившую бронзовый сектор. Однако так и не смогла увидеть никого из нашей деревни.

Возможно, они просто не приехали.

«Для людей из твоей деревни будет большой честью, если ты попадешь в Четвертый Орден», – сказал Ли сегодня утром.

Забавно, как важно для меня то, что это важно для них.

Я так увлеклась поисками, что едва не налетела на Дария, своего противника по поединку, спускавшегося с трибуны золотого сектора. Он светловолосый, высокий, отлично сложенный и похож на статую из белоснежного мрамора. С ним были друзья, другие дети патрициев, получившие золото по результатам теста. Многих из них я уже видела, ведь стражники посещают часть занятий совместно с золотыми студентами, и в будущем они станут нашими сослуживцами – мелкими чиновниками. Многие из чиновников, с которыми я совершаю обходы во время дежурства по внутренним покоям Дворца, и другие представители власти – их родители.

И все они были бы рады, если бы Дарий сюр Майра вошел в Четвертый Орден.

Увидев меня, Дарий остановился как вкопанный, а затем царственным жестом указал мне на каменную арку, через которую мы оба должны были пройти.

– Прошу, Энни.

О драконы. Я откажусь от всего этого. Я должна отказаться. Для чего нужны мои обеты, кроме как для подчинения воле моего государства? А государству нужен именно этот парень. Мне было больно, но я не винила их. Ведь я только что похолодела от ужаса при мысли, что простые школьники говорят обо мне. Я не любила Дария, но он был неплохим парнем и отлично выполнял свою работу...

Дак и Пауэр были следующими, а нам с Дарием предстояло закрывать турнир.

А в Орлином Гнезде Дак, полумертвый от напряжения, застыл перед братом, проверяющим его костюм, и слушал его приглушенный голос. Дракон Пауэра был достаточно крупным и мощным, поэтому ему не было нужды беспокоиться о защите от огня и меткости стрельбы – Итер почти никогда не выбивался из сил. И все же лучшей стратегией для Дака было бы постоянное движение в надежде измотать и дракона, и его всадника.

– И никаких чертовых всплесков эмоций, – прошипел Кор.

Большую часть времени грань между нашими переживаниями и эмоциями дракона надежно скрыта в подсознании. Но в момент яростного всплеска чувств стена рушится, и вы делитесь всем, что происходит в вашей душе. Нахлест эмоций может дать наезднику огром-

ные преимущества или же, наоборот, сделать его слабым. Некоторые наездники, вроде Пауэра, пользуются эмоциональным всплеском специально, мы с Ли этого не делали, хотя, в отличие от Ли, я более расположена к тому, чтобы раскрывать душу своему дракону. Дак относился к тому типу наездников, кто с легкостью доходит до всплеска, и ему не следует этого делать. В их с Кертой случае это никогда не приводило ни к чему хорошему. Они просто теряли контроль над ситуацией.

Дак и Пауэр направились вперед по проходу, а Ли подошел к Кору и Криссе, и хотя обычно я избегала его общества, когда рядом с ним находились два других предводителя эскадрилий, но сейчас словно какая-то непреодолимая сила потянула меня за ним. Реакция на стресс, последствия жизни в приюте – предположила я, но не стала сопротивляться. Увидев, что я иду следом, он отошел от друзей и присоединился ко мне у края Орлиного Гнезда. Стоя бок о бок, мы прислонились к заграждению и принялись наблюдать.

Дак и Пауэр заняли свои позиции в небе. Орлиное Гнездо вновь окутала тишина, как и во время поединка Ли, но на этот раз это было совсем по-другому. Даже Рок и Лотус забыли о пари.

А затем все началось. Пауэр на Итере бросился на своего противника, Дак на Керте уклонился и отступил. Затем Дак сорвался с места, а Пауэр бросился вдогонку. Но Пауэр быстро разгадал стратегию Дака, потому что мы услышали, как он завопил: «Убегаешь? Молодец, Дориан, я ностальгирую по старым добрым временам!»

– Не обращай на него внимания, Дак, – пробормотал Ли, его серые глаза впились в перламутрового дракона породы небесная рыбка, принадлежавшего Даку. Его пальцы изо всех сил вцепились в заграждение.

Но у Дака никогда не получалось игнорировать Пауэра. И действительно, по телу небесной рыбки пробежала предательская дрожь. Никто из зрителей этого не заметил, но мы отлично знали, что это первый признак всплеска.

А затем Дак резко развернулся и выстрелил. Пауэр успел уклониться, струя пепла пронеслась у него над плечом, не причинив вреда. И, воспользовавшись тем, что Дак оказался в пределах досягаемости, выстрелил в ответ. Горячая струя опалила ногу Дака.

Зрители восхищенно ахнули, и удар колокола оповестил о штрафном ударе, а на вершине Орлиного Гнезда раздались тихие перешептывания, сигнализирующие о понимании происходящего. Дак был близко, и Пауэр вполне мог нанести смертельный удар. Однако вместо этого Пауэр предпочел нанести штрафной.

«Долгая и медленная прожарка». Пауэр собирался воплотить свой план.

Оба противника разошлись на безопасное расстояние, и Дак открыл клапан на ноге своего огнеупорного костюма, чтобы выпустить охлаждающую жидкость, которая на время смягчала боль от ожога. А затем они снова вернулись на исходные позиции и перешли в наступление. К этому времени Дак уже полностью совершил перелив, и Керта время от времени вздрагивала, ее движения сделались неуклюжими. Все эмоции, которые сейчас переживал Дак, усилились в разы и вибрировали между ним и драконом, объединяя их в одно целое. Пауэр нанес второй штрафной, попав всего спустя минуту в руку и бедро Дака. И на этот раз он не воспользовался удачей и не стал наносить смертельный удар.

Я почувствовала, как к горлу подкатила тошнота.

«Пламя драконов грозového бича. Нет ничего сильнее этого пламени».

Воспоминания накатили на меня, словно назревающая буря. И это было вполне предсказуемо. Я должна была почувствовать ее приближение, но сегодня она должна была стать гораздо мощнее. Только не так, не сейчас...

Однако, когда это начиналось, уже ничего нельзя было изменить. И потому я вцепилась в заграждение и, собрав волю в кулак, заставила себя успокоиться.

Я заметила, что Ли перестал следить за поединком и уставился на меня.

За спиной у нас Кор воскликнул: «Инструктор Горан, объявите фол!»

– Это не фол, Кор, он задумал смертельный удар и промахнулся.

Кор набросился на нашего боевого инструктора. Его голос дрожал.

– Пауэр всегда играет со своей жертвой, прежде чем сожрать ее.

Напряженные отношения между Гораном и тремя командирами эскадрилий ни для кого не были секретом, хотя никто из них в этом не признавался. Ведь это Атрей, а не Горан назначил трех простолюдинов, одной из которых была женщина, на командные позиции в корпусе два года назад.

– Пауэр не совершил ничего незаконного, – заявил Горан.

Кор сдавленно застонал и отвернулся от Горана. Крисса коснулась его руки.

– Пойду за врачом, – сказала она. – Почему бы тебе не проводить меня?

Он сбросил ее руку.

– Нет.

Я не сомневалась, что в этот момент мое лицо было непроницаемым, не выдавало никаких чувств, и все же Ли придвинулся ближе, наши тела соприкоснулись, и он положил свою ладонь рядом с моей на заграждение. Это было безмолвное приглашение, которое не заметил никто, кроме меня. Мгновение я боролась с желанием ответить на него. Но мир кружился вокруг, воспоминания накрывали меня, мысли о Даке, который сейчас страдал, грозили задушить меня. И я сдалась. И схватила Ли за руку, сосредоточившись на его прикосновении. Я чувствовала, как мои ногти впились в его кожу, но он не отдернул руку, лишь сильнее сжал мою ладонь. Я избегала смотреть на него.

Да, паривший над нами, похоже, совсем забыл о своей первоначальной стратегии держаться на расстоянии от противника. Он и Пауэр кружили друг вокруг друга, небесная рыбка Дака дрожала от их общих эмоций. И несколько мгновений спустя Пауэр сделал свой третий и заключительный выстрел. Хотя для окончания матча ему было бы достаточно и слабого удара, он выбрал смертельный выстрел. Дака окружило густое черное облако дыма. Когда оно рассеялось, его напряженная фигура застыла на спине дракона. Следом за Пауэром и Итером они медленно опустились в Орлиное Гнездо. Пауэр спешился. На его лице сияла улыбка.

– Надеюсь, он в порядке, – сказал он. – Получилось немного больше, чем я хотел...

Кор с беззвучным криком бросился на него. Ли отпустил мою руку и бросился следом, чтобы оттащить его от Пауэра.

Горан и врач разрезали ремни, которыми ботинки Дака крепились к стремянам, и стащили его со спины Керты. Ее взгляд был пустым: обычное состояние для дракона, наездник которого без сознания. Я не сводила глаз с обмякшего тела Дака, вдыхая запах гари, и внезапно паника накатила на меня холодными волнами.

«Нет ничего жарче, чем пламя драконов грозового бича».

Ли шагнул вперед, но, увидев, что я двинулась следом, обернулся и обхватил меня за талию, удерживая на месте. Развернув меня к себе лицом, он заглянул мне в глаза.

– Энни.

– Я должна...

Я пыталась протиснуться мимо него, не в силах вымолвить ни слова. Теперь я едва видела перед собой Дака, потому что все вокруг заслонили воспоминания, которым я уже не могла противиться. Воспоминания о пламени драконов грозового бича, сжигавшем мой мир, в то время как я лишь вглядывалась в них, не в силах ничего с собой поделать.

Ли пристально смотрел на меня, его глаза сверкали. И мир вокруг замер. Воспоминания отступили.

– Я о нем позабочусь. Тебе надо идти.

Сначала я ничего не поняла. А затем меня вдруг озарило: мой турнир. Я должна участвовать в турнире.

Турнир, который я не должна выиграть. И никто из моей деревни не приехал его посмотреть. И если бы я победила, то оказалась бы в центре такого внимания, при мысли о котором мне становилось нехорошо.

«Министерство хотело бы напомнить Антигоне сюр Аэла о высочайших обязательствах...»

«...Обет до последнего вздоха служить интересам государства...»

Я взглянула на Кора, которого Крисса изо всех сил пыталась оттащить назад, а затем перевела взгляд на Дака, лежавшего без сознания в то время, как врач стягивал с него доспехи. Пауэр стоял поодаль, наблюдая за ним с довольной улыбкой. А затем я посмотрела на вход в пещеры, где уже ждал меня Дарий, поднеся к губам браслет, чтобы вызвать своего дракона из породы грозового бича, а его семья и друзья наблюдали за ним с трибуны золотого сектора.

И внезапно все это померкло, а в моей голове вспыхнула одна-единственная мысль:

«Черта с два я проиграю этот турнир».

Взглянув на Ли, я кивнула. И, похоже, он прочел в моих глазах то, что искал. Он убрал руку с моего плеча, и я направилась в сторону входа в пещеры.

– Энни, – донесся до меня другой голос.

Я снова остановилась. Горан коснулся моего плеча. Я посмотрела на него.

– Не забывай о том, что тебе написало министерство, – произнес Горан.

Он навис надо мной, широкоплечий и грозный в военной форме. Этот образ долгие годы ассоциировался у меня с отвратительным ощущением собственной неполноценности. И в это мгновение на меня снизошло озарение, все вокруг стало ясным и четким. Нечто подобное я испытывала, находясь рядом с Аэлой, но на этот раз смогла испытать это одна. А в самой глубине души ярким кристаллом вспыхнул гнев, о существовании которого я уже забыла.

Я отвернулась от него, не говоря ни слова.

Ли

Обычно это происходит в момент между вызовом драконов и первым броском: именно тогда Энни превращается из той, кто она на земле, в ту, кем становится в воздухе. Неуверенность исчезает, робость улетучивается, и внезапно она обретает свободу. Больше ее ничто не сдерживает.

Я много раз видел, как это происходит, но сегодня я потрясен так, словно вижу это впервые. Когда они с Дарием взвились в воздух, чтобы занять свои позиции, я практически ощутил невероятный всплеск энергии.

Дак зашевелился и застонал, охлаждающая жидкость, которую доктор Уэлс нанес на его ожоги, начала действовать. Не сводя глаз с медной шкуры аврелианского дракона Энни, я отошел от них и встал рядом с Гораном.

– Похоже, это на нее сильно повлияло, – сказал я ему.

Не сводя глаз с драконов, паривших у нас над головами, он раздраженно откликнулся:

– Что?

– То, что вы ей только что сказали.

Раздался звон колокола. Дарий и его стального цвета дракон грозового бича ринулись вперед, а Энни на Аэле взвилась вверх и начала набирать высоту.

Преодолевая земное притяжение, она с невероятной скоростью мчалась в безоблачное небо. Она была так стремительна, так уверена в себе, так прекрасна, что от восхищения у меня волосы встали дыбом на затылке.

Другие, возможно, не замечали никаких изменений, но я все видел. Энни летала, как люди из прежнего мира. Она всегда была такой. Я с детства оттачивал инстинкт, наблюдая за драконами и их наездниками, ей же этот инстинкт был дан от рождения. Ведь у наездников

нового режима не было перед собой моделей для подражания в лице более опытных всадников. Мы были лишены такой роскоши, как возможность учиться искусству полетов на драконах у наших отцов, которых когда-то обучали их собственные предки.

Все наставления, которые мог дать мне отец, исчезли вместе с ним. Но Энни никогда не нуждалась в советах.

Лишь в следующее мгновение Дарий вдруг осознал, что происходит, и направил своего дракона за ней вдогонку, пытаясь сократить расстояние между ними, но она уже намного опередила его, кроме того, Аэла была гораздо стремительнее и легче Майры.

Вокруг послышались возгласы восхищения и свист, когда остальные наездники разгадали маневр Энни. Высота всегда давала преимущество перед противником, сила земного притяжения становилась средством защиты. И самый верный способ использовать его – обрушиться сверху на своего противника с удвоенной скоростью. Однако такой маневр был под силу немногим. Я почувствовал, как мои губы растягиваются в улыбке. Глядя против солнца, Горан хмурил брови и молчал.

Драконы поднимались все выше, пока не превратились в две темные точки на ясном небе, но постепенно начали замедляться. И вот Энни, крохотная, словно булавочная головка, вдруг замерла в воздухе.

На мгновение все вокруг стихло.

А Энни нырнула вниз.

Дарий, паривший под ней, замер в нерешительности, приготовившись к атаке. Вокруг раздались пронзительные крики: кричали другие наездники, выкрикивали зрители с трибун. Крылья Аэлы изо всех сил взбивали воздух, ускоряя ее свободное падение, когда она неслась на Дария. А когда они сблизилась, все произошло в мгновение ока. Дарий выстрелил, Энни увернулась и выстрелила в ответ, целясь в отверстие, которое видела лишь она. А затем промчалась мимо него вниз, в сторону Орлиного Гнезда, а Дарий двинулся следом. На его груди виднелось темное пятно смертельного выстрела.

Энни потребовалось около двух минут, чтобы выиграть турнир.

Раздался звон колокола, когда Аэла, затормозив, с громким лязгом опустилась на край Орлиного Гнезда. Энни срезала ремни, прикреплявшие ее ботинки к стремянам, и спрыгнула со спины Аэлы. Она стянула шлем, и ее медные волосы, того же цвета, что и чешуя Аэлы, заблестели на солнце, испещренные струйками пота. Ее лицо казалось дерзким, почти сердитым. Но, когда она услышала радостные крики приветствий и восторга, выражение ее лица изменилось. Медленно, неторопливо, словно только начала понимать, что произошло, она улыбнулась.

Дарий устало соскользнул со спины дракона. Энни приблизилась к нему и протянула руку. На ее лице отразилось удивление, когда он пожал ее ладонь.

– Антигона сюр Аэла, последний член Четвертого Ордена, – объявил диктор.

Я поспешил к ней, чувствуя магнетическое притяжение ее сияющей улыбки. Поздравляя ее, я посмотрел ей прямо в глаза, и ее улыбка слегка изменилась, на мгновение смягчившись. Словно она вдруг подумала о том же, о чем и я: состязания еще не закончены, список претендентов уменьшился, и с этого момента мы можем стать противниками.

Впереди долгий путь и, возможно, никакого будущего. Судя по сегодняшним штрафным очкам, в следующем турнире через месяц я стану выступать против Кора, а Энни встретится с Пауэром. А затем останется последний турнир, в ходе которого и будет определен Первый Наездник.

Вчетвером мы поднялись по ступенькам, чтобы принять участие в заключительном этапе церемонии. Дака отправили в дворцовый лазарет. Кор немного успокоился, но на всякий случай я решил занять место между ним и Пауэром. Энни все никак не могла отдышаться, ее лицо блестело от пота.

И стоило нам войти в дворцовую ложу, как ощущение того, что я хорошо знаю это место, накатило на меня, и я не успел подготовиться к этому.

Я его помнил.

Атрей восседал на помосте, где когда-то располагались места трех триархов, управлявших государством до Революции: Арктуруса Аврелиана, Кита Небесной Рыбы и моего дяди, Кретона Грозового Бича. Теперь же здесь восседал лишь Первый Защитник. Вокруг него, там где раньше располагались места для самых могущественных членов драконорожденных семей, теперь собрались члены его Совета и другие чиновники нового режима. Драгоценности и роскошные одеяния, которые я хорошо помнил, заменила простая форма государственных служащих. Вместо символа триархов в виде восьмерки из кружащихся драконов, символизирующих бесконечность, над нами реяли красные знамена с изображением дракона Революции, с распростертыми крыльями, выдыхающего четыре кольца пламени, символизирующих четыре сословия нового режима.

В центре ложи располагался проход, ведущий от лестницы, по которой мы поднялись, до помоста, где ожидал нас Атрей. Последний раз, когда я здесь был, я смотрел, как по этому проходу шествует мой отец.

Энни, стоящая рядом со мной, тихо вздохнула. Она перевела взгляд с меня на лица собравшихся людей, обратившиеся к нам. Без сомнения, среди них были те, кто еще сегодня утром сомневался в том, что она соответствует этому важному мероприятию. Письмо было без подписи, но министр пропаганды, Миранда Хейн, стоящая неподалеку от Атрея, не сводила глаз с Энни.

Мы успели лишь обменяться короткими взглядами, поэтому я улыбнулся Энни и кивком указал вперед, и мы двинулись по проходу. Энни шла в ногу со мной, как и я, глядя прямо перед собой. Я чувствовал, как она затаила дыхание, стараясь во всем подражать мне.

«Вот как ты это делаешь. Вот как ты несешь свою победу».

Перед моим мысленным взором промелькнула суровая улыбка отца, его усталая, но торжествующая походка, сверкающие глаза, устремленные на старшего брата, когда, едва заметно пожав плечами, он преклонил колени, чтобы принять лавровый венок. Мне было семь лет, когда он участвовал в своем последнем турнире. Рукопашный бой с аврелианцами – небольшое весеннее развлечение, помогавшее им успокоиться перед бурей в год нарастающих волнений и беспорядков, которые в дальнейшем переросли в революцию.

И вот теперь, десять лет спустя, я преклонил колени перед человеком, который предал моего отца и мой народ. Он возложил мне на голову лавровый венок Четвертого Ордена. Энни преклонила колени рядом со мной, чтобы принять свой.

В заключительной речи Атрей упомянул предстоящие турниры, которые приблизят нас на шаг к почетному званию Первого Наездника Каллиполиса, а чуть позже будет названо имя преемника Атрея. И это будет способствовать укреплению институтов революционного режима, заменившего тот, что моя семья возглавляла до настоящего момента несколько веков.

Революционный режим, который посвящен борьбе за исправление многовековых ошибок диктаторов.

Энни с застывшим лицом замерла рядом со мной, прерывисто дыша и внимая его словам. Отвлечшись от воспоминаний о своей семье, я с удивлением подумал, как такая девушка, которая бесстрашно взирала на дракона в два раза крупнее Аэлы, испытывала столь сильный трепет при виде пары десятков разглядывавших ее чиновников.

В это мгновение до меня донесся голос отца из далекого прошлого: «Это все придет к тебе естественным путем, Лео. Мы были рождены, чтобы править».

Нет, тот мир исчез, и я с этим покончил.

А затем, ощутив острую тоску, с которой, как я надеялся, сумел справиться, я мысленно прошептал: «Прости меня, отец».

Энни

Радостно улыбаясь, Рок ждал меня у подножия лестницы, закрывая проход своим массивным телом. Меньше всего я ожидала увидеть такое выражение лица у человека, который только что проиграл турнир.

– Они здесь, – сказал он.

Его акцент горца прозвучал невероятно отчетливо.

У меня все упало внутри.

– Кто?

– Та семья. Из твоей деревни. Приехали как раз перед тем, как начался твой поединок. Они сидят рядом с моими стариками. Ты не говорила, что к тебе придут горцы!

Он схватил меня за руку и повел в бронзовый сектор, протискиваясь сквозь толпу, которая взволнованно выкрикивала поздравления, когда мы проходили мимо. И лишь спустя некоторое время до меня стало доходить, что поздравления адресованы мне.

А потом я увидела их. Дородного седеющего мужчину, полную женщину с волосами, прикрытыми выцветшей косынкой, и стайку детей рядом с ними, с такими же загорелыми, как у родителей, лицами и соломенными волосами. Они стали старше, крупнее и толще, сразу видно, что они здоровы и сыты, и не осталось ни следа от выпирающих костей, туго обтянутых кожей.

– Энни, – хрипло произнес мистер Маки с отчетливым акцентом горца, при звуке которого у меня на душе сделалось тепло, хотя я сама уже давно избавилась от него.

Миссис Маки воскликнула:

– Энни, дорогуша, ты отлично выступила. Мы так тобой гордимся.

– Спасибо, – начала я...

Однако у меня не получилось произнести эти слова, комом застрявшие у меня в горле.

А затем мистер Маки, которого я в последний раз видела, когда мне было шесть лет и который помнил меня осиротевшим ребенком, измученным ночными кошмарами о драконьем пламени, обнял меня так же, как десять лет назад, и сказал:

– Я рад, что дожил до того дня, когда смог увидеть, как дочь Силаса летает на драконе. Еще никогда мы не испытывали такой гордости, Энни.

Это была недолгая встреча, но каждая минута нашего свидания была подобна каплям живительной влаги на иссохшей земле. Они рассказали, как изменился Холбин с тех пор, как я в последний раз его видела. Дома были отстроены заново, появились новые стада. Шерсть продавали городским мануфактурам, и таким образом Атрей стимулировал торговлю и старался уменьшить зависимость Каллиполиса от натурального хозяйства. Поначалу жителей Холбина беспокоили эти нововведения. Но теперь, когда они были сыты даже зимой и их воспоминания о былом голодном времени померкли, а их дети могли время от времени посещать школу в Торнхэме, жители Холбина могли с надеждой смотреть в будущее и почти ничего не бояться. «Кроме драконов», – шутил Маки.

– Люди просто отстали от жизни. Они поймут, что бояться больше нечего, если ты летаешь на одном из таких драконов, Энни. Однажды так и будет.

Старший сын Маки, письмо от которого я получила неделю назад, вручил мне букет полевых цветов, и их запах напомнил мне о родном доме. Когда я похвалила его письмо, нацарапанное детским почерком, с ошибками и без знаков препинания, но тем не менее написанное, что было для меня настоящим чудом, он покраснел. Я помнила его карапузом, а теперь ему исполнилось тринадцать.

Пришло время прощаться. Они собирались сегодня же отправиться обратно вместе с семьей Рока, которая предложила им переночевать у них в доме в Ближнем Нагорье в Торнхэме, а завтра отправиться в Холбин.

Я медленно пробиралась к выходу из Дворца, петляя в толпе, в оцепенении принимая раздававшиеся со всех сторон поздравления. Чьи-то руки дружески похлопывали меня по плечу, бронзовые и железные браслеты поблескивали на запястьях ремесленников, поденщики радостно улыбались мне, пропуская вперед, говоря с ярко выраженным городским акцентом, четко выделяя гласные. Я на целую голову была ниже большинства из них.

– Это наездница с гор! Антигона сюр Аэла!

– Но как она могла победить!

– Говорила же я тебе, Джефф, говорила тебе, что наездницы могут держать свой собственный...

– Ты отлично летала.

Я остановилась, услышав этот голос. Низкий, с едва заметным иностранным акцентом, с легкостью пробившийся ко мне сквозь говорливый шум толпы. Голос молодой женщины. Обернувшись, я увидела, что она не намного старше меня, примерно возраста Криссы. Длинные черные волосы, обрамлявшие узкое лицо, и пронзительные серые глаза. Она была закутана в длинный темный плащ.

– Спасибо, – ответила я.

– Ты и есть Антигона?

– Да.

– Достойное имя. Редкое. Ты из семьи патрициев?

Я покачала головой, удивляясь тому, что она этого не знала.

– Из Холбина, – ответила я. – Это в горах.

Ощущая на голове лавровый венок победителя и сжимая в руках связку полевых цветов, я чувствовала, как сердце наполняется гордостью при этих словах.

В глазах девушки вспыхнуло удивление.

– Потрясающе! – воскликнула она. – А как насчет второго наездника, тоже очень талантливого парня? Как его зовут?

«Тоже очень талантливого». Мне и без лишних слов было понятно, о ком она говорит, но я посчитала неприличным не уточнить.

– На белом аврелианском драконе?

Обычно серебристый цвет мутировавшего Пэллора называют именно белым. Он выделяется на фоне обычных аврелианских драконов, от природы окрашенных в янтарно-золотистые тона.

– Да.

– Ли. Ли сюр Пэллор.

– Ли, – задумчиво повторила девушка. – А откуда он?

Она внимательно посмотрела на меня. Сердце ускорило свой ритм, и мне вдруг стало сложно подобрать правильный ответ.

– Из Чипсайда, – сказала я. – Он сирота из трущоб.

Информация о происхождении стражников всегда была открыта для общественности. И меня не покидало ощущение, что я рассказываю незнакомке то, что она и так уже знает, но хочет услышать, как именно я об этом говорю. Однако это выглядело абсолютно бессмысленно.

Вероятно, она из Дамоса. Поэтому и задает вопросы, на которые знает ответ любой житель Каллиполиса. Хотя у нее бледная кожа, почти такая же бледная, как у каллиполисовского горца...

– В самом деле? – ответила девушка, не сводя глаз с моего лица. – Что ж. Еще раз поздравляю, Антигона.

А затем она развернулась и направилась прочь, набросив на голову капюшон. Я обратила внимание на ботинки наездника, мелькнувшие из-под края накидки.

Приглядевшись, я заметила, что они сделаны из огнеупорной кожи, на них виднелись клапаны с охлаждающей жидкостью, прорези для ножей и отверстия для ремней, которыми ботинки крепятся к стременам...

Это были не просто ботинки наездника. Это были ботинки именно драконьего наездника.

Я все еще с недоумением размышляла над тем, что увидела, вернувшись во Дворец, и направилась к Обители стражников, где хаотично расположенные переоборудованные комнаты для прислуги и бывшие кабинеты повелителей драконов окружали небольшой центральный двор в отдельном крыле внешних покоев. Сегодня днем в Обители было безлюдно. Большинство стражников отправилось в город с друзьями и близкими, чтобы отметить завершение сегодняшних состязаний.

Кроме, конечно, Ли.

– А вот и ты, – сказал он.

Он успел принять душ, переоделся в форму, которую мы носили на земле, и снял лавровый венец. Но его по-прежнему переполнял триумф, лицо озаряла легкая улыбка, делавшая его моложе и немного мягче. Это было лицо человека, заглянувшего в будущее и увидевшего, что оно прекрасно.

– Я как раз собирался сходить в лазарет к Даку, – сказал он. – Хочешь пойти со мной?

Дак. И как только я могла забыть?

– Да. Только сначала переоденусь.

Войдя в опустевшее женское общежитие, я немного помедлила перед входом в душ. Если не считать вымпела стражников в виде переплетенных кругов из золота и серебра, висящего над дверью, комната выглядела очень аскетично. Однако стражникам не запрещалось украшать комнаты, где они жили. Крисса повесила на стену над письменным столом свои рисунки и кусочки раковин и морского стекла, привезенные ею из своего дома на побережье. Другие девушки развешивали на стенах задания, которые они пытались выучить наизусть, или любимые отрывки из поэм на драконьем языке.

Я подошла к своему пустому столу и поставила букетик полевых цветов в стакан. Сняв лавровый венец, я повесила его на стену.

Вытащив из кармана письмо из министерства, я снова перечитала его.

«Министерство хотело бы напомнить Антигоне сюр Аэла о высочайших обязательствах наездников Четвертого Ордена...»

Возможно, я неправильно поняла его с самого начала.

Возможно, это был вызов.

Но даже если нет, я буду считать именно так.

Пусть все, что так страшит меня в Четвертом Ордене, станет следующим испытанием, препятствием, которое я должна преодолеть, и мастерством, которым я должна овладеть. И даже если я не получу титул Первого Наездника, если меня никогда не изберут Защитником, я лучше послужу государству, совершенствуясь во всем. Шаг за шагом.

Когда-нибудь я смогу попасть в историю.

Письмо из министерства я повесила на стену.

3

Первая встреча

Он и девочка заключили тайный союз. Он не считал это дружбой, потому что в основном он лишь сидел рядом с ней в столовой, во дворе, в классе, и поначалу они не разговаривали. После происшествия с ножом он снискал славу неуравновешенного и опасного типа, но это оказалось ему только на руку. Люди оставили его в покое, а когда он находился рядом с девочкой, они обходили стороной и ее.

Он не задумывался, зачем делает это, и не осознавал, что это во многом помогло ему. Она стала первой настоящей точкой опоры после долгих месяцев бесцельной жизни в состоянии сна. Их молчание превратилось в разговоры. Иногда она повторяла его слова, но немного иначе, словно ей не нравилось, как он их произносит. Поначалу он боялся, что она узнала его акцент. Поняла, что он из тех, кому люди желали смерти.

Но она никогда не подавала виду, что подозревает что-то. Даже тогда, когда он повторял за ней ее исправления, едва слышно шепча ее слова, чтобы научиться произносить их правильно. Когда учителя вызывали его на уроках, он начинал отвечать. Девочка всегда молчала.

– Но ведь ты отлично умеешь читать на каллийском, не так ли? – наконец спросил он.

Они сидели на школьном дворе. Он протянул ей то, что, как он позже узнал, называлось газетой. Изобретение нового режима.

– Почитай мне.

К тому времени он уже знал, что девочка научилась читать сама, потому что никто в ее деревне не знал грамоты. И что она приехала из Дальнего Нагорья, из деревни, находившейся во владениях его отца. И ему это понравилось. Это словно оправдывало его стремление приглядывать за ней, потому что она принадлежала ему.

Девочка взяла газету.

– Что тебе почитать?

Конечно, он не мог просить ее прочитать новости о Трех Семействах, опасаясь вызвать подозрения, и вместо этого просто сказал:

– Все.

И девочка начала читать. Эту газету, потом другие, когда он приносил их. Это было время великих перемен на их острове, и они не могли не пропускать через сердце то, о чем читали. Мальчик взволнованно слушал все новости о Первом Защитнике – человеке, который спас ему жизнь. И его заражало волнение девочки, ее восхищение тем, о чем они и понятия не имели.

Самым важным событием, которое они изо всех сил старались понять, был референдум, проведенный постреволюционным Народным Собранием Атрея, чтобы решить вопрос о тридцати двух драконьих яйцах, переживших Кровавый месяц. Стоило ли уничтожить эти яйца? Стоило ли Каллиполису поступить так же, как в соседнем Дамосе поступили несколько веков назад, уничтожив всех драконов и став демократическим государством?

Или, если драконы все-таки вылупятся и Каллиполис останется государством, обладающим воздушными силами, как решать, чьи дети будут предложены для избрания этим юным драконам?

Первый Защитник предложил выбирать драконьих наездников, учитывая заслуги гражданина. Делегаты с побережья поддержали это предложение, заявляя, что военно-воздушные силы необходимы, чтобы обеспечить безопасность острова. Однако представители внутренних сельских областей и беднейших городских кварталов выразили недовольство, заявив, что драконы всегда использовались для того, чтобы угнетать и контролировать население. И все

же повсюду шли разговоры о том, что этот третий путь приведет к чему-то новому и неизвестному с момента появления полетов на драконах на Медее: стражники станут рассветом новой эры, а драконы будут служить во благо справедливости.

Мальчик с девочкой перечитывали эту информацию, обсуждая прочитанное. Девочка была против спасения драконов, мальчик же, наоборот, ратовал за это решение. Однако каждый из них сомневался в правильности собственного выбора.

– Возможно, все было бы иначе, если на драконах стали бы летать хорошие люди, – согласилась девочка.

Мальчика беспокоило совсем другое, но он в этом не признавался. Конечно, драконов следовало сохранить, думал он, но что будет, если на них станут летать простолюдины? Эта мысль сильно его беспокоила.

И все же предложение Атрея было принято. Была создана программа по подготовке стражников, о которой им рассказывали учителя и писали в газетах.

Добившись своей цели, Атрей распустил Народное Собрание и больше не созывал его.

А в газетах появилась информация о тесте, который станет проходить все население, и у низших сословий появится шанс подняться, а люди из высшего общества сумеют доказать свою значимость. У детей появится возможность попасть на церемонию драконьего выбора, в которой раньше участвовали лишь сыновья представителей Трех Семейств.

И вот наконец статья, которую мальчик так ждал, вышла в свет. В ней сообщалось, что не все члены Трех Семейств были найдены во время Кровавого месяца. Кое-кто из драконорожденных исчез. В статье предполагалось, что им удалось выжить. Скрыв свое происхождение, они сбегали на Новый Питос, где и нашли себе пристанище. И хотя имени мальчика не было в списке пропавших драконорожденных, там были имена тех, кого он знал.

Мальчик сказал девочке:

– Я должен уйти.

– Из подвала?

– Из приюта.

Девочка взглянула на него. Они мыли посуду в тазу с ледяной водой, их пальцы околели от холода. Теперь девочка помогала ему выполнять всю дополнительную работу. Она учила его, как работать лучше, и его стали реже наказывать.

– Не стоит намывать заднюю часть тарелок, там они не грязные. Но почему ты хочешь уйти из приюта? Здесь нас кормят.

– Но здесь только крестьяне.

Девочка нахмурилась. Мальчик перевернул тарелку и принялся тереть ее с другой стороны. Он помедлил, а затем все-таки решил заговорить о том, что узнал в новой статье.

– Дело в том, что есть люди, которые меня ждут.

– В городе?

– Нет. В ином месте. На другом острове.

– А я могу пойти с тобой?

– Конечно, – сказал он. – Ты могла бы стать моей служанкой или кем-то в этом роде.

– Я не знаю, как это – быть служанкой.

И мальчик подумал о том, что тоже этого не знает.

– Думаю, они просто моют вещи, – сказал он. – А у тебя это хорошо получается. Пойдешь со мной?

Стояла зима, и они решили, что сейчас уходить не стоит. Возможно, весной или летом. А потом возник вопрос о провизии и рюкзаках, а также о том, что еще положить в эти рюкзаки. Иногда они сочиняли списки вещей, которые могут им понадобиться, что казалось увлекательным. Бывало, им удавалось заполучить некоторые вещи из списка, и это было замечательно. Они прятали свои запасы в заброшенном чулане на третьем этаже и время

от времени приходили туда и перебирали свои сокровища или же просто сидели перед кучей вещей и вместе читали газеты.

Ли

Какое облегчение вновь вернуться к обычному распорядку жизни после окончания турнира. Позавтракав рано утром в Обители, я убрал в ранец хлеб с сыром на ланч, и мы с Кором вышли из Дворца на дежурство в Фабричном районе. Кор бросил взгляд на пару серебряных драконьих крыльев, приколотых к рукавам нашей формы, свидетельствующих о нашей принадлежности к Четвертому Ордену.

– Элегантно, да?

– Оставим их себе.

Кор расхохотался. Я подумал, что, возможно, как и я, он избегает мыслей о том, что через некоторое время мы вернемся на арену, чтобы сражаться друг с другом.

Ранним утром поздней весны город живет полной жизнью. Мы вышли из Дворца, прошли через сады, открытые для посещения после Революции, откуда открывался вид на Крепость и Яникульский холм, патрицианский район на берегу реки, примыкавший к Дворцу. Перейдя по мосту реку Фер, Кор повел нас своим любимым маршрутом через родной Хаймаркет, где было гораздо спокойнее, чем на главных улицах, на которых суетливые торговцы пытались завлечь в свои сети богатых покупателей из-за реки. Но даже на тихих улочках форма стражников привлекала внимание. После турнира прошло совсем немного времени, и нас узнавали. Торговец фруктами остановил нас, вручив Кору порезанную дыню, слегка склонив голову в учтивом наклоне. Это городское проявление вежливости досталось нам в наследство от аврелианского периода правления, и нас учили не обращать на него внимания.

– Для двух стражников в знак благодарности за их служение городу...

Кор поблагодарил торговца за дыню, криво усмехнувшись. За пределами дворца, в его родной округе, жесткий акцент жителя Хаймаркета вновь слышался в его речи. Мы отправились дальше, и он принялся на ходу грызть ломтик дыни.

– Мы не должны принимать такие вещи, – сказал я ему.

– Ты хочешь свою половину или нет? Я с радостью съем ее, если ты настолько благороден. Я выхватил у него свой кусок дыни.

Благодаря регулярным обходам окрестностей с Министерством Пропаганды я стал замечать, как меняются надписи на плакатах, развешанных по городу. В Хаймаркете, где проживало большое количество квалифицированных рабочих, плакаты, развешанные на стенах, восхваляли преимущества граждан бронзового сословия: БРОНЗА – ЭТО СИЛА И УМЕНИЯ. Но стоило нам войти в более бедные районы – Саутсайд и Фабричный район, – где проживали и трудились неквалифицированные рабочие, как плакаты менялись. ЖЕЛЕЗО – СИЛА ГОРОДА, гласили они, и вдобавок к восхвалению достоинств железного сословия они восхваляли металлический тест и мудрость Атрея, придумавшего этот тест. КАЖДЫЙ МОЖЕТ СТАТЬ ЗОЛОТОМ, гласили эти плакаты. ШКОЛА – ДЛЯ ВСЕХ, ШАНС ЕСТЬ У КАЖДОГО.

– Это уж как-то чересчур, тебе не кажется? – пробормотал Кор.

– Эти плакаты не ошибаются, – заметил я.

Я многое повидал во время пребывания в приюте Элбанс, чтобы заметить изменения, произошедшие в беднейших районах после Революции. Полным ходом шло возведение новых домов, дороги были вымощены брусчаткой, а школы построены там, где о грамоте раньше даже не слышали. Люди, попадавшиеся нам на пути, по большей части были сыты, хотя и не могли похвастаться роскошной одеждой, и, судя по торопливой походке и занятому виду, явно не были безработными. Плакаты казались неуклюжими, однако они несуразны в отношении перемен, которые вполне реальны.

Кор цокнул языком.

– И в то же время, – сказал он, – заметь, что они не повесили такие плакаты в Ученом Ряду или на Яникуле.

Ученый Ряд – это еще один населенный представителями золотого сословия – район. В нем находится Лицей – университет Атрея для золотых студентов, там же расположен военный колледж для серебряного сословия. Когда стражники не совершают обходы городских районов, что входит в обязательную программу их правительственной подготовки, мы посещаем занятия одновременно в двух этих учебных заведениях в Ученом Ряду. Кор не переставая говорил, как сильно эти места отличаются от бедных районов, в том числе и от его родных мест. И ему всегда было мало моих слов о том, что его родной район стал лучше, чем прежде.

Я остановился на пыльной улице у дверей огромного склада со стенами без окон. Над его массивной дверью висела выцветшая вывеска.

– Это здесь.

«У Фуллертон» – это одна из наиболее успешных новых мануфактур, которые нам предстояло посетить во время обхода городских районов перед занятиями. Эти обходы полностью занимали наше с Кором дневное время. День лучше было бы посвятить выполнению уроков, а это подневольные дело оставить, но мы не жаловались. Непростые дежурства – знак благосклонности, и в любом случае они были поучительны. Мы наблюдали, как живет город днем, вместо того чтобы питаться слухами.

Начальник цеха был аккуратен одет, коротко стрижен и начал заметно потеть под своей курткой, проводя нас по территории мануфактуры. Мы, словно тени, следовали за ним, когда он совершал свой привычный утренний обход, наблюдая за работавшими за ткацкими станками, склонившимися над чанами с краской, заполнявшими склады товарами, предназначавшимися для Дамоса и Бассилеи. Затем Кор отправился в кабинет начальника цеха, чтобы задать ему дополнительные вопросы, а я позвал к себе одного из рабочих из железного сословия. Понизив голос, я принялся перепроверять цифры, которые дал нам начальник цеха: зарплата, рабочие часы, перерывы, выходные. Эту стратегию мы изобрели с Кором несколько лет назад после того, как начали замечать расхождения в том, что говорило нам руководство, и в том, как обстояли дела на самом деле. Честно говоря, это не входило в наши обязанности во время обходов, но постепенно это вошло у нас в привычку.

Девушка, которую я отвел в сторону, нервно теребила на запястье железный браслет все время, пока я расспрашивал ее. Она то и дело заикалась, избегая смотреть мне в глаза, упираясь взглядом в эмблему стражников на груди моей формы до тех пор, пока я не спросил ее, откуда она родом. Она ответила, но я и так уже все понял по ее акценту: Чипсайд. Я рассказал, что вырос там, и наконец она встретилась со мной взглядом и произнесла: «Я знаю». После этого мне удалось разговорить ее. Узнать, как с ней обращаются, есть ли у нее жалобы. Мы примерно одного возраста, и, разглядывая ее, я про себя отметил, что она полненькая, симпатичная, а локоны каштановых волос мило выбиваются из-под ее платка, но тут же отогнал эти мысли в сторону, почувствовав неловкость. Возможно, Пауэру и Дарию нравилось флиртовать с робеющими перед ними девушками из железного сословия, однако мне это было не по вкусу. Я притворился, что не заметил, как ее шея стала пунцовой от волнения за все то время, что мы разговаривали.

– А в целом как тебе твоя работа?

Казалось, ее удивил мой вопрос.

– Если честно, я рада, что нашла ее.

Иногда, общаясь с представителями железного сословия, я испытывал жгучее негодование из-за результата их теста, однако большинство жителей Чипсайда были благодарны Атрею за его программы. Фабричный район, программы общественных работ, каменоломни и шахты

– все это давало возможность заработать деньги тем, кто еще недавно не мог найти никакой работы, хотя заработок и был невелик.

Позже, направляясь с Кором обратно по пыльным улицам в сторону Ученого Ряда, мы сравнивали информацию, полученную от начальника цеха и молодой работницы.

– Их сведения совпадают.

– Она что-нибудь сообщила? – спросил Кор.

– Ничего, что стоило бы внимания. У нее болят ноги, спина. Но в целом все замечательно.

Вернувшись в Ученый Ряд, мы прошли мимо сторожки привратника, направляясь в Лицей. После огромных серых пространств Фабричного района, кишаших мрачными рабочими, снующими по пыльным улицам, безмятежная красота Лицея кружила голову, поражая причудливыми каменными внутренними двориками и аккуратно подстриженными зелеными лужайками, полными смеющихся и беззаботных студентов. Обычно золотых студентов поощряли к государственной службе, но не заставляли делать такой выбор. Многие делали карьеру в науке, в искусстве и торговле. Кор заметил двух стражников, развалившихся под дубом, и направился к ним, а я вошел внутрь. До начала занятия оставалось еще полчаса, и у меня было достаточно времени, чтобы почитать «Дипломатию» до прихода преподавателя.

Уже входя в лекционный зал, я вдруг услышал чей-то голос. Я остановился, но слишком поздно. В зале в полном одиночестве сидела Энни. Она расположилась на своем привычном месте в середине аудитории. Энни замерла, уставившись на меня. В помещении повисла тишина.

Я вдруг понял, что Энни репетировала выступление. Она говорила так, будто отвечала на чей-то вопрос в этой пустой комнате. Ее голос звучал гораздо громче, чем я когда-либо слышал в классе. Она тренировалась.

Отлично.

Энни покраснела как рак. Я попятился из комнаты.

– Увидимся позже, – сказал я.

– Нет... ты можешь...

– Я почитаю в библиотеке.

Через полчаса я вернулся в лекционный зал и занял свое место рядом с Кором и Криссой перед кафедрой преподавателя. Дака, туго обмотанного бинтами, отпустили из лазарета лишь на время занятий, и он уселся вместе с Энни в дальнем углу. Остальные студенты постепенно заполняли зал, стражники рассаживались вперемешку со студентами Лицея, среди которых то и дело попадались взрослые из золотого сословия, забежавшие попрактиковаться. Золотые студенты, сидевшие в ряду чуть ниже нас, оборачивались, чтобы поздравить нас с Кором с победой в турнире. Крисса усмехалась, наблюдая за нами. Любому человеку на месте Криссы было бы невыносимо находиться в присутствии тех, кто обошел ее на состязании, и слушать, как их поздравляют, но она славилась своим умением отшучиваться и ничего не принимать близко к сердцу. Когда комплименты от золотых студентов закончились, она наклонилась к нам:

– Наслаждаетесь собой?

– Мы выполняем наш гражданский долг, – откликнулся Кор.

Мы встали, как только в зал вошел профессор Перкинс, и когда снова расселись по местам, он спросил, есть ли желающие вкратце пересказать то, что было задано на дом. Только что прочитав заданное в лицейской библиотеке, я не изъявил желания поднимать руку. Темой обсуждения должен был стать Новый Питос. И я совершенно не хотел участвовать в подобном обсуждении.

Впервые за долгое время я вдруг увидел, что Энни подняла руку вместе с другими. Перкинс, ставший с возрастом подслеповатым, привык к тому, что в той части аудитории, где сидела она, обычно не находилось желающих выступить, и потому не обратил на нее внимания.

– Ли?

У меня все сжалось внутри. Я увидел, как Энни резко опустила руку.

– В эти выходные ты порадовал нас замечательным полетом, – добавил Перкинс, и его темные морщины стали глубже, когда он улыбнулся. В зале прозвучало несколько одобрительных возгласов, а Кор с силой хлопнул меня по плечу, и на моем лице невольно расцвела улыбка.

– Спасибо.

А затем я взглянул на текст, глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки.

– В статье говорится, что невозможно опровергнуть слухи о том, что на Новом Питосе есть драконы, а значит, стоит считать их реальной угрозой.

Перкинс кивнул и выдвинул встречный аргумент:

– Но у Нового Питоса не было открытого доступа к драконам, а прохладная весна делает их земли непригодными для выживания драконьих кладок. Как же тогда полуаврелианцы могут обладать военно-воздушными силами, Ли?

Полуаврелианцы – это ветвь аврелианской семьи, не обладавшая драконами и колонизировавшая Новый Питос несколько веков назад. Чувствуя, как пот выступает на ладонях, я снова заговорил:

– Запасы драконьих яиц недалеко от берега, в море. Автор предполагает, что у Трех Семейств были секретные драконьи кладки. Драконорожденные, которым удалось скрыться и найти убежище на Новом Питосе, могли знать об этом.

«Драконорожденные, которым удалось скрыться».

Я бы и во сне мог перечислить по памяти имена исчезнувших драконорожденных, но чаще всего я думал о своих кузенах – Иксионе и Джулии. Иксион был немного моложе меня, с Джулией же мы были почти одного возраста. После дворцового переворота тела, которые должны были принадлежать им, оказались слишком обезображены, чтобы их можно было опознать.

– Отлично. Спасибо, Ли. – Перкинс обернулся к аудитории. – И что вы думаете об этой теории?

– Звучит неубедительно, – заметила девушка с певучим акцентом жительницы южных островов, которые были нашими вассалами.

– Это подстрекательство к войне, – заявил другой юноша. Судя по изящной тунике и отчетливому дворцовому акценту, он принадлежал к семье патрициев. – Очередная байка для «Народной газеты».

В комнате послышались смешки: «Народная газета» пользовалась популярностью среди низшего, железного, сословия и тщательно контролировалась Министерством Пропаганды, поэтому большинство выходцев из золотых не достаивало ее своим вниманием.

Перкинс кивнул.

– Возможно, – согласился он. – Но главная проблема таких теорий заключается в том, что, исходя из наших дипломатических отношений с Новым Питосом, мы никак не можем подтвердить ее или опровергнуть. Калиполис и Новый Питос никогда не признавали суверенитета друг друга и общаются лишь благодаря посредничеству других государств. В условиях такой закрытости откуда нам знать, что они замышляют? И что делают, скрываясь за густыми туманами Северного моря.

Я вышел из зала, погрузившись в воспоминания. В последнее время я редко размышлял о Новом Питосе. О побеге, который с таким воодушевлением мы планировали вместе с Энни и который был для нас настоящей отдушиной в то далекое время...

Однако этим планам не суждено было осуществиться.

– Эй.

Нынешняя Энни вдруг возникла прямо передо мной посреди лицейского внутреннего двора. Рядом с ней стоял Дак. Кор и Крисса тоже оказались рядом со мной. Заметив реши-

тельное выражение ее лица, я подумал, что она собирается обсудить нашу встречу до начала занятия, но вместо этого она кивком головы указала в сторону Лицейского клуба.

– Хочу перекусить.

Сквозь решетчатые окна клуба до нас доносился приглушенный смех. Никто из нас никогда там не обедал, хотя для этого не было препятствий – пропуском туда был золотой браслет.

Дак резко обернулся, чтобы взглянуть на нее, но она смотрела только на меня. Я остановился.

– Тебе там не понравится.

Энни тоже остановилась, скрестив руки на груди.

– Мы ведь можем пойти. Другие стражники ходят туда.

Некоторые стражники действительно там появлялись. Лицейский клуб славился тем, что там более благосклонно относились к некоторым лицеистам, иными словами, к тем, кто происходил из семей патрициев. К Лотусу, Пауэру, Дарию, Алексе и Максу, которые выросли на Яникульском холме и обожали регулярно обедать здесь со своими приятелями из начальной школы. Что касается меня, мне никогда не было интересно наблюдать за тем, как развлекается новая аристократия Каллиполиса. Патриции с Яникула были тесно связаны с революционным движением Атрея: предав повелителей драконов, они обрели ключ к своему успеху и многое выиграли после введения теста на сословия. Все они, сдав тест, получили золото.

Мне импонировало, что Атрей дал шанс на лучшую жизнь беднякам из районов вроде Чипсайда. Но шансы, которые он предоставил патрициям из Яникула, меня не интересовали.

– Я хочу попробовать, – сказала Энни.

«Тогда попробуй без меня».

Но, судя по всему, такой вариант она не рассматривала. Она выглядела чертовски решительно и в то же время испуганно, словно собственная инициатива пугала ее больше клуба. И почему-то это меня зацепило. Я отогнал прочь плохие предчувствия.

– Отлично, – сказал я.

Дак, Кор и Крисса изумленно вытаращились на нас. Они были явно заинтригованы. Потому что, в конце концов, почему я, Ли, отщепенец из трущоб, должен был стать посредником в этом обряде посвящения, которое Энни, похоже, придумала для себя?

– Вы идете? – спросил я Криссу и Кору.

– Меня давно не волнуют подобные приключения, – откликнулась Крисса, закинув сумку на плечо. – Я в Обитель. Кор?

Кор переминался с ноги на ногу, с тревогой поглядывая в сторону клуба.

– Ну, возможно, как-нибудь в другой раз...

– Я пойду, – сказал Дак Энни.

И втроем мы поднялись по ступенькам Лицейского клуба. В фойе я устался на владельца клуба, который должен проверять браслеты. И хотя мы никогда раньше не встречались, похоже, он узнал меня и пропустил нас, не взглянув на мое запястье.

Мы вошли в темную, отделанную деревянными панелями столовую, наполненную спорящими студентами, пожилыми профессорами, раскуривающими трубки, которые наполняли комнату табачным дымом, и множеством других посетителей разных возрастов. Представители золотого сословия всегда были желанными гостями в этом клубе, вне зависимости от того, учились они здесь или нет. На отполированных до блеска деревянных столах разложены свежие выпуски «Золотых ведомостей». Люди из золотого сословия предпочитали эту газету из-за ее относительной свободной редакционной политики. Она была предназначена исключительно для Дворца и стен Лицея.

– Ли! Как поживаешь?

Студент из золотых, с которым мы вместе изучали дамианскую философию, сидящий за столом в центре зала с новыми друзьями, выкрикнул мое имя. Они почти закончили трапезу,

рифленные стаканы с летним вином почти опустели. Они обернулись и с улыбкой смотрели на меня, подзывая к себе.

– Не хочешь присоединиться к нам? Можем сдвинуть стулья...

Я почти ощутил, как Энни едва не отпрыгнула назад. Очевидно, посиделки с едва знакомыми людьми оказались для нее непосильной задачей.

– Спасибо, И²эн. Не стоит беспокойства. Рад был вас всех повидать...

Я улыбнулся им, пожал руку Иэну и повел Энни и Дака в глубину зала, на ходу отмечая присутствие других стражников, которых легко можно было узнать по форме. Конечно же, здесь оказались Пауэр и Дарий с несколькими девушками из класса риторики. Меня удивило, что в дальнем углу за отдельным столиком сидели Рок и Лотус. Я повел Энни и Дака к свободной кабинке. Энни села так, что ее спину и бок прикрывали две стены, и принялась оглядывать зал с таким видом, словно сидела на спине дракона, обозревая вражескую территорию. Дак протиснулся в кабинку следом за ней, стараясь лишней раз не задевать ожоги, скрытые формой.

– А где здесь буфет? – пробормотала Энни.

– Его здесь нет.

– Тогда как же...

Энни умолкла. К нашему столику подошла молодая женщина в униформе официантки, которую я видел еще до Революции. На ее запястье блестел железный браслет.

– Что будете заказывать?

Дак восхищенно уставился на официантку. Энни покраснела, как случалось всякий раз, когда ей приходилось общаться с официантами.

– А что у вас сегодня в меню? – поинтересовался я.

Официантка принялась с воодушевлением рассказывать, и это было лучшее, что я слышал за последние годы. Я сделал заказ, а затем Дак, ошарашенный обилием выбора, попросил блюдо, в котором был бекон. Энни, которая, судя по всему, не поняла ничего из того, о чем мы говорили, пробормотала, что хочет то же самое, что и я.

– Сейчас принесу ваши напитки.

Мы смотрели, как она удаляется, и вдруг Энни вздрогнула.

– Как думаешь, сколько ей платят?

Я часто делал обходы вместе с Трудовой Призывной Комиссией и потому точно знал ответ на этот вопрос.

– Прилично. Гораздо больше, чем большинству неквалифицированных рабочих на мануфактурах и в шахтах.

Постепенно привыкнув к окружающей обстановке, я начал прислушиваться к разговорам, и меня поразило, сколько людей вело беседы на драконьем языке. Ведь в городе, где этот язык ассоциировался с триархистскими группировками, предпочитали говорить на каллийском. Однако здесь, где для выходцев из патрицианских семей драконий язык был родным, он звучал повсюду. Этот не употреблявшийся повсеместно язык звучал как пародия на старую жизнь.

«Но дело не в том, что сам по себе я против цензуры, но не кажется ли тебе, что он заходит слишком далеко...»

«Несомненно, однажды я предпочту красное дамианское каллийскому...»

Принесли наш заказ. В Обители мы всегда ели досыта, и, приехав из Элбанса, я и не думал о том, чтобы интересоваться качеством этой еды. Однако здешние блюда сильно отличались от того, что я пробовал раньше. Овощи идеально сдобрены специями, стейк, прожаренный снаружи, оставался розовым внутри, картофель полит маслом. Энни, едва взглянув на свою еду, набросилась на нее с ножом и вилкой так, словно боялась, будто блюдо вот-вот исчезнет.

Когда-то давно я обратил внимание на то, как Энни ведет себя за столом. В детстве она жадно поглощала еду, и я научился ей подражать, но сейчас, в этой роскошной столовой, созданной для смеха и удовольствий, на это трудно было смотреть. Когда Дак принялся восторгаться своим ланчем, заявив, что это «лучшая на свете еда», я протянул руку через стол и коснулся ее запястья.

– Не торопись, – пробормотал я.

Она оторвалась от тарелки. Ее глаза округлились, она смущенно заморгала, а затем кивнула.

Это была одна из самых странных трапез в моей жизни. Я ощущал вкус еды, и он был очень неплох, он был именно таким, каким я его помнил. До того, как узнал, каково это – быть благодарным за саму возможность поесть. И в то же время меня не покидало ощущение, что Энни следит за мной, преисполненная решимости повторять все мои движения, несмотря на то, что ей было стыдно. Я изо всех сил старался медленно продемонстрировать все правила вежливого поведения за столом, не допуская лишних комментариев, и потому Дак даже не догадался об уроке хороших манер за столом для Энни. Она повторяя за мной, так же, как я, вонзала вилку в стейк, а затем отрезала от него кусочек ножом, не позволяя ему скрежетать по тарелке. При помощи ножа подталкивала горошины к вилке, а закончив трапезу, положила приборы рядом с тарелкой. Такие манеры были присущи человеку, который не боится умереть от голода.

К концу ланча меня мутило от стыда.

– Вам понравилось? – поинтересовалась официантка, вернувшись к нашему столику, чтобы предложить кофе или десерт.

– В жизни не пробовал ничего вкуснее, – ответил Дак с таким торжественным видом, что она рассмеялась. Когда она, собрав тарелки, двинулась на кухню, Дак произнес, понизив голос:

– Как думаете, ей неуютно в присутствии людей, которые...

Энни мгновенно закончила его фразу, словно прочитав его мысли:

– Сдали тест лучше ее?

– Или получили привилегии по праву рождения, которые дали им возможность сдать тест лучше, – пробормотал я.

Изысканная еда, только что принесенная нам, стала доказательством этой привилегии, и от размышлений об этом я ощутил дискомфорт.

Вращая в руке свой стакан с сидром, Энни внимательно разглядывала осадок на дне. Наконец она ответила мягко, но твердо:

– Мне хотелось бы думать, что все должны попадать сюда только благодаря собственным заслугам. Неважно, кто они и откуда.

Я взглянул на нее, желая, чтобы она посмотрела на меня в ответ, но она снова обвела взглядом зал.

– Как бы там ни было, большинство присутствующих здесь говорят на каллийском. У многих он соответствует дворцовому стандарту, но вот за тем столом я слышу саутсайдский акцент, а за нами сидят те, кто говорит с харбортаунским акцентом.

А я и не заметил этого, полностью сосредоточившись на звуках своего родного языка.

– Даже если количество тех, кто говорит на драконьем языке... несоразмерно с общей численностью населения Каллиполиса, – мрачно добавила Энни.

– Надеюсь, у моей сестры будут хорошие результаты, – пробормотал Дак.

Энни протянула руку и, накрыв его ладонь своей ладонью, нежно сжала ее. Она даже не заметила, как Дак замер от ее прикосновения.

А затем ее блуждающий по залу взгляд наткнулся на кого-то, и она тут же убрала руку. Я обернулся. Нас заметил Пауэр, он поманил Энни, приглашая подойти к их с Дарием столику. Девушки из класса риторики, переглядываясь, хихикали, прикрывая рот ладошками.

– Не надо, Энни, – запротестовал Дак.

Не сводя глаз с Пауэра, Энни подняла свой стакан и осушила одним глотком. А затем, поставив его на стол, встала и направилась вперед через зал.

Дак наблюдал за ней, нахмурившись.

– И она еще мне говорит не обращать на него внимания?

Энни

Через месяц нам с Пауэром предстояло встретиться в воздухе. Однако сегодня я подошла к нему с таким видом, будто поединок между нами уже произошел. Когда я остановилась около его столика, он распростер руки, откинувшись назад на спинку стула, словно охватывая все пространство наполненной табачным дымом комнаты с деревянными стенами.

– Добро пожаловать, – с величественным видом произнес он на драконьем языке, – в мои владения.

Девушки, сидящие рядом, глазели на нас с Пауэром, пользуясь возможностью как следует рассмотреть участников будущего турнира. Не дождавшись ответа, Пауэр добавил на каллийском:

– Я только что сказал...

– Я тебя поняла.

– Это делает тебе честь!

Пауэр обернулся к сидящим за столиком.

– В этом турнире Антигона победила моего напарника Дария, – Дарий гневно уставился на него, – а в следующем турнире будет выступать против меня. – Он перешел на драконий язык и заговорщически понизил голос: – Она очень амбициозная крепостная.

За столом послышалось хихиканье. Одна из девушек, явно шокированная его поведением, приглушенно вскрикнула. Пауэр обернулся ко мне, его глаза сияли.

– Разве это не так, Энни? – спросил он на каллийском.

Я почти ощутила, как остальные затаили дыхание в ожидании моего ответа. Я знала, как должна была развернуться эта сцена. Представила Криссу, которая умела поставить Пауэра на место парой удачных фраз в присутствии других. Услышала восторженный смех тех, кто видел его унижение. Я знала, что за столом ждали именно этого.

Но слова не шли у меня с языка.

«Идиотка, а чего еще ты ожидала, когда шла сюда? Думаешь, раз ты победила в турнире, значит, тебе все по плечу?»

– Да, – сказала я ему, чувствуя горечь от своих нелепых слов, к тому же произнесенных на каллийском. – Это так.

А затем отвернулась и пошла прочь.

Ощущение горечи не покидало меня весь день. Мое расписание городских обходов никогда не было столь насыщенным, как у Ли и даже у Дака, и днем мне предстояло только сопровождать Орнби, пожилого ученого, проверявшего старинные книги на драконьем языке для Комитета Цензуры. Мы сидели вдвоем в его пыльном кабинете и просматривали тексты, выбирая, что следует запретить, что стоит перевести для широкой общественности, а что необходимо оставить исключительно для представителей золотого сословия.

– Мы чересчур снисходительны, не так ли? – заметил Орнби, просмотрев то, что я выбрала. – Я бы вообще запретил портрет Повелителя драконов, вызывающий сочувствие. А ты решила сделать его достоянием общественности?

Еще не успокоившись после того, что произошло в Лицейском клубе, я пожала плечами, ответив Орнби одной из его любимых фраз: «Это помогло бы людям научиться сочувствию».

Покачав головой, Орнби сощурил голубые глаза.

– Золотому сословию – возможно. Но мы не можем усложнять повествование для низших сословий, или же они могут что-нибудь неправильно понять. Возможно, даже пожелают вернуть обратно повелителей драконов. Ты ведь гораздо умнее других, Энни, и должна об этом помнить! Возможно, ты способна ухватить соль этого отрывка, но они не смогут...

Обычно Орнби упоминал о моем уме с льстивым и заговорщическим видом, и этого было достаточно, чтобы у меня пропадало желание расспрашивать его о правилах цензуры, но сегодня я снова вспомнила об отце Дака, разносящем слухи о Новом Питосе, и ощутила прилив недовольства.

К концу дня от хорошего настроения, сопровождавшего меня после победы в турнире, не осталось и следа. Дневная тренировка началась с того, что Горан добрых полчаса хвалил в Орлином Гнезде выступления Ли, Кора и Пауэра на турнире, ни разу при этом не упомянув обо мне. Становилось очевидно, что, несмотря на вступление в Четвертый Орден, моя жизнь несколько не изменилась и в дальнейшем меня, как и прежде, не ждет ничего, кроме огорчений.

После ужина, вновь вернувшись к привычной рутине, я помогала Року с домашним заданием по воздушной тактике на застекленной террасе, где стражники обычно выполняли домашнюю работу, собравшись вместе за столами, расположившись в мягких креслах. Сегодня я раздражалась сильнее обычного, и мы оба начинали терять терпение.

– Ты не должен забывать о третьем измерении. Это не поле, Рок.

Задачи Рока были разложены на столе перед нами, среди них сеть диаграмм, которые я исправляла, на ходу поясняя его ошибки. На другом конце стола расположилась Крисса, скучая над учебником истории, а рядом с ней Дак, закатав рукава до локтей, прикладывал стебли алоэ к своим ожогам. Лучи вечернего солнца скользили по горшкам с растениями, выставленными вдоль стеклянных стен и расплзающимся по стеклянному потолку, который был поднят, благодаря чему нас овеивал теплый ветерок. Оранжерея – это единственное место в Обители, отведенное для отдыха.

У взерошенного Рока покраснели глаза, он явно устал вглядываться в мои записи.

– Давай в теории, ладно? Иногда ты бываешь хуже Горана.

– Не нравится, как я объясняю, – найди Ли.

– Я пытался, – откликнулся Рок. – Он был занят.

Сейчас мне меньше всего хотелось слышать о напряженном графике Ли. Я смерила Рока злобным взглядом. Он скрестил руки на груди и ответил мне не менее грозным взглядом. Наш безмолвный поединок прервал раздавшийся сзади голос.

– Энни! Вот ты где.

Я обернулась. Грозная седовласая госпожа Мортмейн, директриса Обители, направлялась к нашим почтовым ящикам. Она вручила мне конверт с печатью министерства, на которой был изображен четырехъярусный город в концентрических кругах из железа, бронзы, серебра и золота.

– Я отдам его тебе лично в руки, хорошо?

Ее глаз дернулся, словно она попыталась мне подмигнуть, а затем она удалилась.

В конверте, адресованном Наездникам Четвертого Ордена, находился список изменений графика для меня, Ли, Пауэра и Кора, который вступал в силу с этой минуты. Увидев свое имя рядом со словами Четвертый Орден, я ощутила, как по спине побежали мурашки.

НАЧАТЬ ПОСЕЩАТЬ:
РАСШИРЕННЫЙ КУРС ПОЭЗИИ НА ДРАКОНЬЕМ ЯЗЫКЕ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА (ЕСЛИ
ЕЩЕ НЕ ПОСЕЩАЕТ)
РАСШИРЕННЫЕ КУРСЫ ЭТИКЕТА И ТАНЦЕВ (НАЧАТЬ ЗА ДВЕ
НЕДЕЛИ ДО ЛИЦЕЙСКОГО БАЛА)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ С ПЕРВЫМ ЗАЩИТНИКОМ

Я ощутила, как мое лицо невольно расплывается в улыбке.

Это все-таки случилось. Что бы там ни говорили Горан или Пауэр, какими бы незначительными ни были мои ежедневные обязанности, корабль все-таки отчалил от берега, и я оказалась на его борту.

На следующий день я явилась на занятия по драконьей поэзии на несколько минут раньше, когда еще не открыли дверь в аудиторию. Из всех перечисленных в письме изменений в моем графике эти занятия стали самыми желанными для меня, и я не сомневалась, что смогу в них преуспеть. Наше изучение языков Медеи до сегодняшнего дня носило исключительно разговорный характер, но меня всегда интересовала поэзия на драконьем языке, славившаяся своей красотой. Драконорожденные, особенно аврелианцы, говорившие на этом языке еще до прихода в Каллиполис, славились тем, что жили и дышали своей поэзией, почти всегда говоря цитатами, начиная учить стихи с детства.

Во внутренних покоях Дворца знание поэзии на драконьем языке считалось показателем образованности и грамотности, которые до сих пор ценили патрицианские семьи Каллиполиса и ожидали этого же от своих правителей.

Ли тоже уже ждал около аудитории. Однако он совсем не разделял моего восторга, пылая от негодования.

– Просто не могу в это поверить. Из всех способов потратить время впустую это...

Под его глазами залегли круги. С тех пор как его назначили командиром эскадрильи, он постоянно выглядел утомленным. В конце коридора показался Кор, заспанный и тоже ужасно недовольный.

– Это что, шутка? И это наша награда за вступление в Четвертый Орден?

Один за другим стали появляться и золотые студенты. Заходя в аудиторию, они с любопытством поглядывали на нас. В Лицее стражников было гораздо меньше золотых студентов, и потому наше появление на новых занятиях всегда вызывало интерес. Ни Кор, ни Ли не сдвинулись с места, продолжая стоять около аудитории. Похоже, они были согласны стоять в коридоре до последнего.

– Это необходимо для повышения культурного уровня, – сказала я Кору.

Не сводя глаз с золотых студентов, Кор заговорил, понизив голос:

– Для тебя – возможно. У меня нет твоих способностей к драконьему языку. Я просто позорюсь перед компанией патрицианских детей... ах.

По коридору неторопливо шел Пауэр, на его лице сияла радость.

– Какие кислые физиономии!

Кор смерил его мрачным взглядом.

– Отвали.

Пауэр с глухим стуком бросил свою сумку между Ли и Кором. Две проходившие мимо девушки из золотого сословия взглянули на нас, и Пауэр провел рукой по коротко стриженным волосам и, вскинув бровь, уставился на них в ответ. Они, хихикая, скрылись в аудитории.

– Готов поспорить, здесь нет ничего сложного. Если вы уже знаете наизусть «Аврелианский цикл», это...

Скрестив руки на груди, Ли прислонился к стене. Его губы скривились в усмешке.

– Не знал, что ты такой знаток драконьего языка, Пауэр.

– У меня были репетиторы.

Откинув голову, Ли расхохотался. А затем улыбнулся Пауэру.

– Рад за тебя.

Пауэр поежился, пораженный презрением, прозвучавшим в голосе Ли. Справившись с дрожью изумления, он странно взглянул на Ли и, снова обретя уверенность, поспешил поделиться новой лицейской сплетней:

– Я слышал, что этот курс будет вести бывший наставник щенков Грозового Бича до Революции. Судя по всему, в конце правления их родителей от его преданности и следа не осталось...

Кор невольно хмыкнул. Но улыбка Ли померкла. На мгновение его тело напряглось. Однако, похоже, никто, кроме меня, этого не заметил.

– Мы опоздаем, – предупредила я их.

Войдя в аудиторию, мы уселись за четыре свободных стола на галерке. Оказалось, в наш класс затесался еще один стражник. Я узнала Лотуса еще до того, как он обернулся, по кудрявой копне волос. Судя по тому, что его отец был напрямую связан с поэзией на драконьем языке, он оказался здесь по собственному выбору.

Девушка, сидевшая за соседним столом, наклонилась в мою сторону.

– Ты же Антигона? Антигона сюр Аэла?

У меня тут же создалось впечатление, что ни она, ни я никогда не знали человека с таким именем. Я кивнула, и она расплылась в радостной улыбке.

– В эти выходные ты летала просто бесподобно! – воскликнула она.

Я удивленно улыбнулась ей в ответ, и девушка протянула мне руку. Ее неяркое коричневое платье, оттененное смуглым цветом лица и вьющимися темными волосами, свидетельствовало о комфортной жизни в патрицианской семье: аккуратно отутюженное, длиной до колена, сшитое с точностью яникульского портного.

– Ханна, – представилась она. – Ханна Лунд. Хотя я понимаю, что у тебя нет причин интересоваться тем, кто я такая!

Я пожала ей руку, от изумления не в силах придумать вежливый ответ на столь неожиданное замечание.

– Наши новые студенты. Добро пожаловать.

Профессор, бледный, лысеющий мужчина за тридцать, в очках, последним вошел в аудиторию и, усаживаясь за свой стол, любезно нам улыбнулся.

– Меня зовут Ричард Тиндейл, и я рад видеть вас четверых в своем классе. Давайте посмотрим. – Он заглянул в список, а затем посмотрел на меня. – Ты, должно быть, Антигона сюр Аэла?

– Да, но все зовут меня Энни.

– Но, думаю, на занятиях драконьим языком мы станем называть тебя полным именем, Антигона. Весьма необычное имя для девушки с гор. А еще к нам пришел Пауэр сюр Итер...

Пауэр слегка поднял руку, чтобы его заметили. Тиндейл улыбнулся.

– Добро пожаловать. Буду рад сообщить твоему отцу, что наконец заполучил тебя на свой курс. Кор сюр Маурана?...

Кор кивнул. Взгляд Тиндейла скользнул к последнему новичку, и внезапно его тело напряглось.

– Лео?

«Чертов драконий огонь».

На мгновение зрачки Ли расширились.

– Ли, – поправил он. – Ли сюр Пэллор.

Тиндейл вздрогнул. И поспешил исправиться.

– Конечно, это моя ошибка...

«Лео». Незнакомое имя прозвучало у меня в ушах, словно неожиданно произнесенное ругательство.

Мне хотелось запрятать его поглубже и никогда больше не слышать.

Тиндейл отвернулся от нас, и несколько студентов взволнованно переглянулись между собой. Они словно не могли понять, как Тиндейл мог забыть имя стражника из Четвертого Ордена. Ли сжался на стуле рядом со мной.

– Полагаю, вы четверо получили задание, которое я прислал вместе с учебниками? Отлично. Тогда начнем. Есть желающие почитать на драконьем языке?

В классе уже дошли до середины «Аврелианского цикла», эпической поэмы, считающейся главным литературным произведением на драконьем языке. Ханна вызвалась читать первой. В ее речи не было ни тени акцента, что свидетельствовало о том, что драконий – ее родной язык. Я с удивлением подумала о том, как кто-то с такими корнями мог считать меня потрясающей?

Однако, когда она начала читать об Уриэле на Ароне, который повел свой народ в изгнание, чтобы спастись от гибели на залитом ярким солнцем острове старого Ауреоса, Ли закрыл глаза и изо всех сил вцепился в края стола. Я не могла понять, что пробудило во мне такую тоску, – выражение его лица или же произносимые Ханной слова. И хотя я упустила смысл некоторых слов, это не делало трагедию менее острой.

– Антигона, почему бы тебе не начать переводить первой?

Я едва не упала со стула. Тиндейл улыбался, и мне показалось, что я слышу вызов в его голосе. Я торопливо раскрыла тетрадь, чувствуя на себе взгляды целого класса незнакомцев, и уставилась в домашнюю работу. Взглянув на перевод, я мгновенно успокоилась, ведь я трижды проверяла его. Я принялась читать, но когда Ли громко кашлянул рядом со мной, поняла, что читаю слишком тихо, и повысила голос. Вспомнила тренировки в пустых аудиториях в любую свободную минуту после турнира Четвертого Ордена. Закончив, я подняла глаза и увидела, что Тиндейл внимательно смотрит на меня.

– Хорошо, – сказал он. Однако в его голое было больше удивления, чем радости. – Вы заметили что-нибудь интересное в последнем абзаце? Не привлекли ли ваше внимание какие-нибудь фигуры речи?

Вокруг меня поднялись руки. Тиндейл обвел взглядом класс, а затем снова посмотрел на меня, давая мне шанс.

На занятиях разговорным драконьим языком мы не уделяли внимания фигурам речи, однако они были перечислены в словаре в конце учебника, который я просмотрела вчера вечером. Опустив глаза, я стиснула ладони под столом.

– Восходящий триколон⁴. Хиазм⁵ и анжамбеман⁶.

Класс опустил руки. Тиндейл закивал.

– Отлично, – снова сказал он. – А как насчет формы глаголов? Есть здесь что-нибудь интересное?

– Исторический инфинитив⁷.

– Верно подмечено. А его парадигма?

Я прочитала ее.

⁴ Восходящий триколон – фигура речи, при которой каждый отрезок, или колон, из трех длиннее предыдущего, часто (но необязательно) сопровождается анафорой (единоначалием) и повтором ключевых слов. Например, черчиллевское высказывание по случаю победы под Эль-Аламейном в 1942 году: «Это не конец. / И даже не начало конца. / Но, возможно, конец начала».

⁵ Хиазм – риторическая фигура, заключающаяся в крестообразном изменении последовательности элементов в двух параллельных рядах слов. На том же примере в последнем колоне «И даже не начало конца. / Но, возможно, конец начала» мы видим перекрестную перестановку слов.

⁶ Анжамбеман, или перенос строки – в стихосложении эффект расхождения между синтаксическим и ритмическим строением стихотворного текста: то есть предложение, или интонационная фраза, или даже слово не заканчивается с концом стихотворной строки, а переносится на следующую. Например, из Цветаевой «Нас день морочил, жарко обхватив / Ладонями, дышал неслышно в спину».

⁷ Инфинитив – начальная форма глагола.

Тиндейл взглянул на Лотуса.

– Похоже, у нашего сына поэта появился конкурент.

Во время занятия Тиндейл вызывал меня еще несколько раз, а также Пауэра и Кора, и понял, что Пауэр переводит по памяти, а Кор лишь краем уха слышал о грамматике. Однако он ни разу не вызвал Ли.

В конце занятия, отпуская студентов, он пробормотал:

– Задержись на минуту, Ли.

Ли, съездившись, остался сидеть за столом, слегка склонив голову, а мы все вышли из класса.

Я задержалась в коридоре, все внутри у меня сжалось от плохого предчувствия. Может, стоило подождать Ли? Убедиться, что с ним все в порядке после разговора с Тиндейлом?

Но хотел ли он этого?

Хотела ли я этого?

Нет. Я была абсолютно уверена, что мне это не нужно.

– Эй... Антигона? – Ко мне подошла Ханна Лунд. Склонившись набок, она придерживала тяжелую сумку с книгами, заправляя соломенный локон за ухо. Несколько девушек из класса ждали ее чуть в стороне, наблюдая за нами. – После занятий мы идем в библиотеку делать домашнюю работу. Хочешь присоединиться?

Я не сразу поняла, о чем она спрашивает.

Студентка из золотого сословия, вне всякого сомнения, происходящая из семьи патрициев, приглашала меня присоединиться к ней и ее друзьям? И при этом еще волновалась так, словно боялась услышать мой отказ? Я забросила сумку на плечо. Ханна была выше меня; обычно они все были выше меня, эти патрицианские дети. Мне пришлось вскинуть голову, чтобы встретиться с ней взглядом и заметить ее неуверенность.

– Да... С удовольствием.

Ханна радостно улыбнулась.

Пускай Ли сам разбирается с этим Тиндейлом.

Я не беспокоилась о нем до тех пор, пока он не перестал появляться в трапезной. В тот вечер он не явился на ужин, а на следующее утро пропустил завтрак. Я увидела его лишь на занятиях чуть позже, круги у него под глазами сделались еще темнее, вид у него был изнуренный.

Что же сказал ему Тиндейл?

В тот день наездники Четвертого Ордена должны были впервые посетить заседание Верховного Совета, ну или, по крайней мере, это было впервые для некоторых из нас. Я не сомневалась, что Ли уже бывал на этих заседаниях в течение года. Мы слушали, делали записи, а позже, на занятиях с Первым Защитником, должны были задавать свои вопросы.

Эти занятия проходили в конференц-зале рядом с его офисом. Как и из большинства внутренних покоев, из его окон открывался вид на Огненную Пасть – глубокую дыру, ведущую к драконьим пещерам. Во времена старого режима этот проход напрямую соединял покои Трех Семейств с логовами драконов, находящимися от нас на расстоянии звука от свистка. По другую сторону стены из узорчатого стекла виднелся каменный балкон, расколотый напополам, когда на его край опустился дракон. Оттуда открывался вид на окна, опоясывающие стены покоев. В других частях Дворца, особенно в залах, открытых для народа, оригинальные геральдические символы драконорожденных были уничтожены, однако здесь сохранились окна с витражными стеклами, расписанные красными розами – символами аврелианского дома. Кабинет Атрея выглядел очень аскетично: простая, но добротная деревянная мебель и кресла с твердыми спинками.

Мы встали, когда он вошел в комнату.

– Прошу, садитесь, – произнес Атрей. – Не станем тратить время на формальности.

Мы снова уселись, и Атрей тоже занял свое место, распрямляя воротник простой туники, подчеркивающей суровые, ястребиные черты его сероватого мудрого лица. Он прославился своим аскетическим образом жизни не меньше, чем своими деяниями: осиротевший ребенок из патрицианской семьи, затем ученый в Дамосе, советник при дворе триархов и в конце концов вождь Революции, в результате которой был свергнут прежний режим. Он славился тем, что называл Каллиполис своей женой, а Революцию – своим детищем. Стражники же должны были стать его наследием.

– Я слышал о вас только хорошее, – сказал Атрей, – и для меня большая честь участвовать в заключительном этапе вашей подготовки. Наши занятия будут включать в себя множество обсуждений, начиная от философии и заканчивая поэзией. Это сослужит вам хорошую службу как будущим государственным деятелям: наука полезна для ума, красота – для души.

Он положил перед собой на стол две книги. Одна – его собственный «Революционный манифест», написанный за год до Революции, вторая – «Аврелианский цикл» на драконьем языке.

– Но начнем с обсуждения практических моментов. У вас есть вопросы по поводу заседания Верховного Совета?

Я подняла руку.

В отличие от Перкинса, Атрей сразу заметил меня.

– Антигона?

Ли

Какая ирония – столько лет оставаться в тени, а затем так неудачно попасть в поле зрения старого семейного репетитора.

Как только студенты вышли из аудитории, Тиндейл выглянул в коридор, а затем закрыл дверь. Его шаги гулким эхом отдавались в пустой комнате с каменными стенами.

Я пытался вспомнить, чем когда-нибудь насолил ему, за что сейчас он мог бы меня наказать, но в голову ничего не приходило. Когда мы в последний раз виделись, мне было всего семь лет, и занимался он в основном с моими старшими сестрами.

– Ты жив.

В его голосе прозвучало явное облегчение. Он стоял передо мной, опершись ладонями о первый стол в том ряду, где сидел я, и смотрел на меня так, словно видел призрака.

Так, значит, он не собирался выдавать меня. Я вдруг понял, что все это время сидел затаив дыхание, и с облегчением выдохнул.

– Как тебе удалось выжить?

Он перешел на драконий язык. И хотя теперь я мог свободно дышать, меня охватило раздражение. Если он был так рад, что я выжил, зачем рисковал моей безопасностью ради языковых предпочтений? Кто-нибудь мог подслушивать нас под дверью. Они бы сильно удивились, услышав, как сирота из Чипсайда говорит на чистейшем драконьем языке.

– Атрей вмешался, – ответил я на каллийском.

У Тиндейла округлились глаза.

– Он тебя спас?

Я кивнул.

– А твоя семья... он спас кого-нибудь еще?

Он по-прежнему говорил на драконьем, и меня удивила настойчивость его последнего вопроса.

– Нет.

Он все еще ждал, глядя на меня, но я не мог придумать ничего лучше, как сказать:

– Для остальных было уже слишком поздно.

Я попытался произнести эти слова, не думая о них, но образы близких людей вдруг все заслонили у меня перед глазами, и аудитория померкла.

Тиндейл отвернулся, словно испытывая похожие чувства.

– Прости. Я не хотел говорить об этом, но, думаю, теперь нет смысла скрывать. Я... – он обреченно усмехнулся, – я любил твою сестру.

Мою сестру. Какую именно? Я задумался и внезапно понял, о ком он говорит. И, словно прочитав мои мысли, он добавил:

– Пенелопу.

Внезапно воспоминания о ней обрушились на меня. Ее имя, ее лицо. Мне странно было слышать, как имя сестры произносит другой человек, словно после долгих лет молчания о моей семье часть меня перестала верить в то, что кто-то еще мог их знать.

Он продолжал говорить, но не потому, что хотел этого, а потому, что просто не мог заставить себя остановиться:

– Еще тогда было понятно, что у моих чувств не было... будущего. Хотя я был ученым, но из низов, а она вот-вот должна была обручиться с каким-то аврелианцем, не помню его имени... Но я любил ее. О драконы, я так любил ее. Хотя и знал, что она никогда бы не ответила мне взаимностью, да и не смогла бы остаться со мной. Я никогда никого так не любил, как ее.

Пенелопе было шестнадцать, когда она погибла. Я не знал о помолвке и никогда не думал о ней как о женщине, которую мог полюбить и взять в жены мужчина. Она просто была моей старшей сестрой. Моей красивой, веселой сестрой, которая предпочитала игры со мной взрослым разговорам. Волосы Пенелопы были темными, как у меня, но длинными и вьющимися и падали ей на плечи, как покрывало, когда она приседала передо мной, чтобы стать со мной одного роста.

Я вдруг понял, что сейчас стал на год старше ее, когда она погибла.

– Когда я услышал о том, что произошло в день дворцового переворота... я просто...

Он не договорил, просто умолкнув, и для меня все тоже стихло вокруг.

Я сидел не шевелясь, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Наклонившись вперед, я положил локти на стол, уткнулся лицом в ладони, дожидаясь, пока прекратится это кружение. Хуже всего были звуки, которые накатывали на меня вместе с образами.

Тиндейл так глубоко погрузился в размышления, что едва ли заметил, что со мной происходит. Наконец он снова продолжил свой сбивчивый рассказ. Я ощущал, как его слова проливаются на меня, и постепенно все остальные звуки в моей голове исчезли, а образы растаяли.

– После того как все это случилось, мне казалось, что я сойду с ума, – говорил Тиндейл, его голос звучал хрипло и немного надтреснуто. – Дворцовый переворот стал одной из самых ужасных и кровавых трагедий в истории города. Да, виновные были наказаны, но сколько невинных людей пострадало только из-за того, что родилось в определенных семьях.

– Атрей наказал их, – сказал я, и собственный голос прозвучал откуда-то издалека. – Казни, пожизненные заключения. Для людей, кото...

Я умолк.

– Да, он бросил их в тюрьмы, – ответил Тиндейл, и в его голосе прозвучало нетерпение. – И заставлял нас радоваться этому. День дворцового переворота, страшной резни, напоминание о «бесстрашном начале нового режима». Это темное пятно, позор нового режима, которого Атрей просто не мог допустить. Но когда это произошло, тогда я все понял.

– Поняли что?

– Что он не лучше других. А в конце концов станет еще хуже. Повелители драконов, по крайней мере, славились своим благородством. У них не было ни капли этого трусливого, бюрократического лицемерия.

Тиндейл не производил впечатления человека, заинтересованного в более детальном уточнении. Внезапно меня охватило негодование. Я помнил, что уже когда-то испытывал нечто

подобное. Я помнил прежние мечты и былые неудачи. Но тогда я был еще ребенком, а Тиндейл – взрослым. Если он уже тогда был уверен в своей правоте, то мог бы что-нибудь предпринять.

– Если бы вы хотели, то могли бы отправиться на Новый Питос. Если были уверены, что при старом порядке было лучше.

– Я пытался, – ответил Тиндейл.

Я замер, а затем резко спросил:

– Но?...

– Но мне сказали подождать.

Это была совсем не та причина, которую я ожидал услышать.

– Кто?

– Люди, с которыми, я думаю, ты бы захотел встретиться. Люди, – Тиндейл сделал ударение на последнем слове, – которые ждут своего часа.

Солнце опустилось совсем низко, и его оранжевые лучи проникали в комнату, освещая столы и силуэт Тиндейла, отбрасывая драгоценные капли яркого света, пронзая витражное стекло окон.

– Вы говорите о Новом Питосе. О полуаврелианцах.

Я слышал скептицизм в своем голосе, несмотря на бешено бьющееся сердце. Я прочитал слишком много передовиц в «Народной газете», полных подобных заговорщических теорий. Националистические настроения, подогреваемые этими теориями, легко было отследить, и эту вполне предсказуемую химическую реакцию Министерство Пропанды могло при желании задушить на корню.

– Это пустая угроза. Они бессильны.

– Или же хотят, чтобы так считали в Каллиполисе.

Мы уставились друг на друга, и я промолчал. Хотя мое сердце продолжало бешено колотиться. Я вспомнил слова Перкинса на последнем занятии дипломатией: «Мы и понятия не имеем, что они готовят, скрытые за плотным пологом тумана над Северным морем».

– Атрей знает, кто ты? – спросил Тиндейл.

Я покачал головой.

К моему удивлению, Тиндейл улыбнулся.

– Замечательно! – воскликнул он. – У тебя появится отличная возможность.

«Отличная возможность для чего?»

Мотив мог быть только один.

– Ты хочешь с ними встретиться? – спросил Тиндейл. – Уверен, они будут рады снова тебя увидеть. Уверен, они скучали по тебе.

У меня сжалось горло.

«Кто эти они? Кому еще удалось выжить? Узнают ли они меня?...»

– Я уверен, они не откажутся от твоей помощи, – добавил Тиндейл.

* * *

Проливной дождь и непроглядный туман окутывали Северное море. Мы проводили тренировку эскадрилий: Крисса возглавляла отряд на небесных рыбах, Кор – на драконах грозового бича, я же вел вперед аврелианцев. Воины моей эскадрильи мчались друг за другом сквозь пелену дождя, стараясь держать строй, несмотря на плохую видимость, мы торопились прорвать плотный заслон облаков. Голубое небо и яростное солнце показались ослепительными, когда мы наконец вырвались из плена туч. Пэллор стряхнул воду с крыльев с довольным фырканием, я ощущал его тяжелое дыхание и, сдернув шлем, смахнул дождевые капли с глаз. Мы провели перекличку, когда все аврелианские наездники прорвались сквозь облака, промокшие

и дрожащие, но сохранявшие строй. После переключки у нас с Пэллором появилась минутка, чтобы отдышаться.

И вот тогда я увидел это. На горизонте показались другие драконы.

Поначалу мне не показалось это странным, я решил, что эскадрильи разделились и некоторые могли улететь дальше на север, чем планировали.

Пока я не заметил блеск золота.

Аврелианцы.

Но я только что провел переключку среди своих аврелианцев.

И это означало, что те, кто маячил на горизонте, не имели отношения к военно-воздушному флоту Каллиполиса.

А затем я увидел и другие цвета: блики голубого, пятна черного. Большая флотилия на драконах трех пород.

Они приближались. Становясь все больше, их силуэты четко вырисовывались на фоне ясного неба.

У меня встали дыбом волосы на затылке.

Целая флотилия открыто показывалась нам.

«Они выжидали время».

И внезапно во мне вспыхнули одновременно чувства удивления, радости и тоски, передавая Пэллору, который издал пронзительный вопль. Мои чувства вырвались из его глотки.

А когда вопль стих, сквозь свист ветра до меня донесся новый крик. Это была Энни:

– Все вниз!

Она размахивала кулаком, подавая сигнал тем, кто был слишком далеко, чтобы услышать ее голос. Остальная часть эскадрильи начала отступать под прикрытие слоистых облаков. Сквозь туман, окутавший мое сознание после всплеска, я вдруг осознал, что никогда раньше не слышал, чтобы Энни отдавала приказы, потому что командиром эскадрильи был я. Но я застыл на месте, не в силах оторвать взгляд от надвигавшегося на нас флота. А те мысли, которые я сумел отделить от эмоций Пэллора, сосредоточились на одном.

«Мой народ. Моя семья. Близко...»

– Макс, Дейдра, найдите Кора и Криссу и скажите им, чтобы они отозвали свои эскадрильи – учения окончены! Передайте, что у нас прямо по курсу иностранный флот с боевыми драконами, в полутора километрах на север!

А затем Энни резко развернула Аэлу, загородив нам с Пэллором вид на новопитианскую флотилию. Она тоже стянула с головы шлем, и я увидел ее смертельно бледное лицо с огромными от ужаса глазами. Потемневшие от дождя волосы прилипли к ее лбу, вода струилась по ее лицу. Впервые, глядя на меня, она выглядела испуганной.

– Ли, уходим!

4

Алетея

Прошел год с тех пор, как мальчик оказался в приюте. И хотя они с девочкой по-прежнему планировали путешествие на Новый Питос, эта фантазия перестала заслонять собой все вокруг. Он стал успевать в школе, хорошо справлялся с дополнительной работой, а кошмары стали сниться реже. Новый Питос отошел на дальний план в его воображении так же, как и воспоминания о семье.

А затем, в первую годовщину убийства его семьи, в городе устроили парад. И этот день был объявлен национальным праздником. В Дворцовый день отмечали переломный момент Кровавого месяца: день, когда люди разрушили стены Дворца после того, как отравили драконов.

Стоя на главной площади, мальчик увидел единственного выжившего дракона, которого оставили для заключительного представления, и тут же узнал его.

Самка дракона, принадлежавшая его отцу, была одной из самых крупных на старом флоте. Алетея выделялась среди остальных драконов грозового бича своим необычным окрасом: крыльями с красными кончиками и красным шипом на голове. Мальчик помнил, как поглаживал ее твердую чешую, положив ладонь между ее огромными черными глазами.

Но сегодня некогда могущественное чудовище невозможно было узнать. Ей сдавили горло, чтобы она не могла извергать пламя, крылья подрезали, и теперь она стала всего лишь огромным, размером с повозку, зверем с мощными челюстями. Их тоже намертво скрепили цепями. Мальчик смотрел, как дракона тащили на помост – цепи сдавливали его, и он низко опустил голову. А затем человек, который спас его и теперь называл себя Первым Защитником, начал говорить о том, что сделал этот дракон. Он говорил о сожженных деревьях, крови невинных жертв, бессмысленном и незаслуженном насилии, от которого пострадало бесчисленное множество людей. О том, что люди страдали от драконов в течение веков. Он сказал, что это больше никогда не повторится.

Но мальчик не слушал его. Он видел, как задыхается дракон его отца.

А затем он услышал странный звук и обернулся. Стоявшая рядом девочка плакала. Она не сводила глаз с Алетей, слезы струились по ее лицу.

Мальчик обнял ее и крепко прижал к себе, решив, что она испытывает ту же боль, что и он, глядя на унижения когда-то могущественного зверя.

Обнимая девочку, он смотрел, как топор отсек голову дракона его отца.

* * *

Чуть позже в тот же день мальчик заметил ту девочку во дворе: она сидела под деревом, закрыв глаза. Он подумал, что она спит, но девочка вдруг подняла веки и взглянула на него.

– Ты плакала сегодня на площади, – сказал он.

Он чувствовал, что должен поговорить с ней, чтобы убедиться в том, что в тот момент она разделяла его чувства и горе.

Он уже был готов все ей рассказать. Пришло время, решил он. Казнь Алетей потрясла его до глубины души. Настало время уходить. И он хотел взять эту девочку с собой.

Она взглянула на него с таким видом, словно пыталась понять, готова ли все рассказать ему. Но постепенно собрала с духом. Ее лицо застыло, сделалось решительным, и она произнесла медленно и спокойно:

– *Тот дракон убил мою семью.*

Ли

Энни на Аэле старалась держаться ближе к Пэллору, когда мы возвращались в Каллиполис. Эскадрилья мчалась следом за нами. Энни ни о чем не спрашивала меня, и, воспользовавшись этим молчанием, я пытался избавиться от эмоциональной связи с Пэллором. Обнимая дракона за шею, я низко пригнулся в седле, пытаюсь освободиться от ощущения ее близости, но это было нелегко. Пэллор чувствовал мою боль и не хотел отпускать, стараясь утешить. А тем временем вихрь мыслей кружился в моей голове...

Тиндейл был прав. А я все это время убеждал себя, что разговоры об угрозе со стороны Нового Питоса – это не более чем слухи, запущенные Министерством Пропаганды для легковерных представителей низших сословий...

Кто они, эти наездники, которые подлетели к нам так близко, что я мог бы с ними поговорить?

Неужели это другие выжившие после Дворцового дня?

Возможно, мои родственники?

Когда вдали замаячил Дворец, Энни наконец решилась заговорить. Ее слова звучали неразборчиво, лицо было скрыто защитным забралом шлема. Она повысила голос, пытаюсь перекрыть грохочущий шум дождя.

– Ли. Ты освободился от Пэллора?

Ее проблема, о которой она, возможно, не догадывалась, в том, что она не понимала, как сложно мне было освободиться от влияния Пэллора, и сейчас я все еще пытался это сделать. В отличие от других наездников, я редко поддавался всплеску эмоций, тем более длительному. Это было неправильно, и сейчас он это чувствовал.

Я стиснул зубы.

– Почти.

– Мы должны оповестить Дворец о том, что видели.

Я понял, куда она клонит, но промолчал. Меня ужасала мысль о военном совете, о том, что предстояло встретиться с Атреем прямо сейчас...

– Значит, ты...

«Значит, ты собираешься донести на меня?»

Будь я в лучшей форме, то сдержался бы и не задал ей вопрос, почти сорвавшийся с моего языка. Но я был ослаблен всплеском, и я дал волю охватившей меня панике. Энни коротко взглянула на меня. Но не попросила закончить вопрос.

– Будет неправильно, если ты не придешь. Возьми себя в руки.

Энни дернула поводья, отрываясь от остальной группы, и я бездумно последовал за ней. Внутренние покои раскинулись прямо под нами – башня с рядами окон, залитых дождем, из которых открывался вид на Огненную Пасть, где располагался вход в драконьи пещеры. Спустившись, Энни остановилась, оглядывая аврелианские балконы и пытаюсь понять, где находится вход в покои Первого Защитника. Наконец я заговорил, указывая на один из балконов:

– Здесь.

Атрей занимал покои, которые в моем детстве принадлежали аврелианскому триарху. В детстве мне показали балкон, который треснул под весом его дракона.

Энни заметно напряглась, но не стала спрашивать, откуда я это знаю.

Мы спешили и отпустили драконов. Несколько мгновений Пэллор упорствовал, не желая уходить, последствия всплеска эмоций давали о себе знать. Я снял шлем, притянул голову Пэллора к себе и прижался лбом к его серебристой, мокрой от дождя брови, а затем окончательно разорвал нашу эмоциональную связь. Он тихонько заскулил, и я стиснул кулаки.

Затем Пэллор медленно двинулся следом за Аэлой в темноту Огненной Пасти. Когда драконы растворились во мраке пещеры, вход в которую закрывала плотная завеса дождя, я ощутил невыносимую головную боль.

И тут же смог мыслить ясно.

Они живы. Кто-то из них действительно выжил. И, как и намекал Тиндейл, у них были драконы.

А значит, у них был шанс вернуть себе Каллиполис.

Я еще раз мысленно произнес местоимение «они» и тут же придумал ему альтернативу, приятным волнением взбудоражившую мою кровь: «Что, если не они, а мы...»

Подняв голову, я заметил, что Энни смотрит на меня, зажав под мышкой шлем. Пряди влажных волос прилипли к ее лбу, а на лице застыло выражение, которое я не мог понять.

Разочарование? Отвращение? Гнев?

Отвернувшись от меня, она шагнула вперед и постучала в дверь в стеклянной стене. Секунду спустя дверь распахнулась. Изумленный ассистент Атрея уставился на нас, двух до нитки вымокших подростков в огнеупорных костюмах, стоявших на балконе, у которого не было другого входа.

– Мы немедленно должны поговорить с Первым Защитником и генералом Холмсом, – заявила Энни.

Встреча проходила как в тумане. Один раз взглянув на меня, Энни решила все взять в свои руки. Мы сидели в зале совещаний с Атреем и генералом Холмсом – министром обороны – за просторным дубовым столом, за которым обычно заседали члены Верховного Совета. Я встречался с Холмсом во время городских обходов, но почти не сомневался, что Энни видела его впервые. Если Атрей всегда был гладко выбрит и скромно одет, то у Холмса была вьющаяся каштановая борода и множество сверкающих орденов и знаков отличия. Он заработал себе имя, участвуя в революционном движении на стороне Атрея, но, в отличие от последнего, происходил из низов, обладая животной силой, в противоположность Атрею с его высокими принципами, и прославился своей жестокостью.

Я всегда считал, что не стоит вдаваться в подробности. Холмс симпатизировал мне, мы работали вместе несколько лет, а все остальное было несущественным.

Но сегодня, когда я смотрел на него, думая о драконах Нового Питоса, все это вдруг обрело значение.

Делая вид, что столь серьезное общество ее совсем не пугало, Энни сидела, выпрямив спину, в подробностях описывая новопитианский флот. Она сумела посчитать количество боевых драконов, несмотря на то что попутно отдавала приказы воинам нашей эскадрильи. В общем, у нее вышло пять небесных рыб, девять аврелианцев и семь драконов грозового бича. Однако они были слишком далеко для того, чтобы можно было определить их возраст.

Наконец Холмс спросил:

– А после того, как вы их увидели, вы попытались вступить в бой?

Я вдруг ощутил, что он смотрит на меня. Он ждал моего ответа, потому что я был командиром эскадрильи. В это мгновение меня окатила волна паники: вот оно. Это конец. Единственный всплеск разоблачил десять лет притворства и раскрыл во мне потенциального изменника, которым, по сути, я и был.

Однако когда Энни заговорила, она произнесла совсем не то, что я ожидал:

– Ли приказал всем спуститься под прикрытие облаков и возвращаться в Каллиполис.

Я исподтишка бросил на нее изумленный взгляд.

Она не выдала меня. Энни прикрывала меня.

Розовые пятна, проступившие на ее щеках, стали единственным свидетельством того, чего ей это стоило. После долгих лет, когда ее недооценивали, списывали со счетов в министерстве этой страны, в частности, люди, сидевшие напротив нас, Энни доказала, что способна

адекватно действовать в сложной ситуации, готова руководить и достойна назначения, к которому ее так настойчиво не хотели допускать. Но она скрыла свои способности ради моего спасения.

«А разве ты не должна была выдать меня?»

Потому что мечты, переполнявшие мою душу, принадлежали человеку, которого следовало бы выдать, а не спасать. Эти фантазии о триумфе и мести, о которых я не вспоминал с детства, вновь нахлынули на меня с притягательной силой, и этого было достаточно, чтобы очернить меня.

Энни встретила со мной взглядом и вскинула бровь. Я откашлялся. А затем по совершенно непонятным причинам я принял ее дар и начал объяснения, которые они с Холмсом ждали от меня.

– Мы никак не могли выяснить, есть ли у них боевое пламя, и при этом мы сами были безоружны.

Боевое пламя могли извергать лишь взрослые драконы, а наши были еще слишком молоды и могли выплевывать лишь струи горячего пепла.

– Отлично, Ли! – воскликнул Холмс.

В его низком голосе послышались теплота и одобрение. Энни сглотнула ком в горле. Мне стало нехорошо.

Атрей, барабаня по столу пальцами, впервые присоединился к разговору.

– Совершенно очевидно, что мы допустили грубейшую ошибку, недооценив Новый Питос, – заметил он. – Мы пропустили мимо ушей слухи о драконах, появляющихся на северном побережье, посчитав их досужим вымыслом, полезным только для нашей пропаганды, но не более. Похоже, мы просчитались.

– Стоило атаковать их еще несколько лет назад, – пробормотал Холмс. – Тогда их драконы еще не набрали силу. Надо было бросить на этот богом забытый остров все силы нашего флота и стереть с лица земли остатки этих грязных маленьких выродков... А теперь уже слишком поздно.

«Грязные маленькие выродки». Оскорбление, к которому я обычно был глух, сегодня вызвало у меня горячую ярость, словно воспламененную фантазиями о мстительном драконьем пламени.

Что, если я больше не смогу с каменным лицом сносить эти оскорбления?

Атрей замычал, не соглашаясь.

– Не будем делать поспешных выводов. Отправим депешу нашим посланцам на Иске и потребуем, чтобы они немедленно добились встречи с посольством Нового Питоса. Возможно, Радамантуса удастся вразумить.

Радамантус, полуаврелианец, был нынешним правителем Нового Питоса. Атрей повернулся к помощнику, сидевшему на краю стола.

– Вызовите двух самых быстроходных наездников на небесных рыбах, сообщите, что они должны стать посланниками. Это будут...

Он взглянул на меня.

– Крисса и Дориан, – ответил я, называя редко используемое полное имя Дака.

Помощник с поклоном удалился. Как только он скрылся за дверью, Холмс наклонился вперед.

– Думаете, это можно уладить при помощи дипломатии? – спросил он Атрея.

– Я готов попробовать, если это поможет предотвратить войну.

На лице Холмса застыл мрачный скептицизм. Я вспомнил надвигающуюся на нас флотилию, заслонявшую собой небо бесчисленными полчищами, и тоже подумал, что у нас мало шансов. Подобное поведение не было присуще государству, которое искало дипломатического решения проблемы.

Когда мы вышли в коридор после заседания, там было тихо и пустынно, в залитые дождем окна падал тусклый дневной свет. Закрыв дверь, мы с Энни некоторое время стояли рядом. Казалось, что нас разделяет пропасть, а тишина стала звенящей.

События последнего часа возникли в моей памяти яркими вспышками: их флот, отчаянная тоска, Энни, выкрикивающая мое имя и уводящая меня за собой. Ее голос, отдающий за меня приказы, выполняющий мои обязанности. А затем мои мысли устремились к фантазиям о мести, которая означала, что мне придется предать не только ее, но и ее народ.

Она резко отвернулась и направилась прочь.

– Энни?

Но я не представлял, что скажу ей, а она не обернулась.

* * *

– Тот дракон убил мою семью.

Он непонимающе уставился на нее. Ему даже показалось, что он ослышался. И он попросил ее повторить, и она произнесла свои слова еще раз.

– Ты лжешь! – воскликнул он.

Она не ожидала этого. Ее глаза округлились.

– Мою семью убил дракон, – сказала она. – Солдаты заперли их в доме, а наш Повелитель драконов сжег его.

– Но как же ты тогда выжила?

Она побледнела.

– Он заставил меня смотреть.

Он вспомнил на своих руках ощущение прикосновения взрослого, принуждавшего его смотреть на то, чего он не желал видеть.

– Это бессмысленно, – огрызнулся он.

Она пыталась найти слова, чтобы все объяснить ему. Похоже, она никак не ожидала такого поворота.

– Он сказал, что один из нас должен смотреть, чтобы потом рассказать всей деревне...

Ее голос задрожал. Но он оборвал ее на полуслове, потому что не желал слышать, как она плачет.

– Откуда ты знаешь, что это был тот дракон с площади?

– Потому что это был дракон грозового бича с красными кончиками крыльев...

– Тогда, возможно, они это заслужили!

Он почти кричал на нее.

Ее голова дернулась назад, и она прижалась к стволу дерева, словно он ударил ее. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга. Запрокинув голову, она с мрачным недоверием разглядывала его, а он, тяжело дыша, глядел на нее, чувствуя разгорающуюся ненависть.

Она едва слышно заговорила первой.

– Их убили, потому что мы не отработывали свою норму во время голода.

– Не было никакого голода, – огрызнулся он.

Она прищурилась.

– Что, прости?

– Это все одна сплошная ложь. И все это знают. Это преувеличение нужно было для того, чтобы должники могли не отдавать долги...

– Моя мама, – сказала она, – умерла во время голода. И мой маленький брат. Потому что нам не хватало еды. А ведь мы жили на ферме.

Ее глаза сверкали, но она так расвирепела, что забыла о слезах. Она ткнула пальцем мимо его плеча, указывая на детей, игравших во дворе.

– И если ты еще не понял, голод – главная причина тому, что большинство из них оказалось здесь.

Она вставала, все еще прижимаясь спиной к дереву. Но даже вытянувшись в полный рост, она была ниже его больше чем на голову. Она смотрела на него так, будто видела впервые. Вся ярость и отвращение, которые она испытывала к своим мучителям, в тот миг обратились против него.

– Держись от меня подальше, – сказала она.

Энни

Не в силах совладать с отвращением, я торопилась поскорее уйти от Ли. Еще мгновение в его присутствии, и назревавшие в душе чувства вскипели бы и перелились через край. Я хотела остаться одна, чтобы все обдумать, побыть вдали от этих серых глаз и скул, казавшихся чересчур правильными и благородными.

«Держись от меня подальше».

Возможно, стоило выдать его?

Этот вопрос не давал мне покоя, когда я уходила.

Глупо было доверять ему.

Но я все равно не могла заставить себя предать его.

Я не винила Ли во всплеске эмоций, не винила за взгляд, полный тоски, когда он увидел их. Не надо было обладать большим воображением, чтобы понять его чувства. Мне хорошо знакома сиротская боль одиночества, я знаю, каково это – жаждать тепла близких. Все это было вполне естественно.

Я сердилась на Ли за то, что произошло потом. За то, что он послушался меня, когда я приказала разворачиваться, хотя без слов было ясно, что его сердце разрывалось на части. За то, что сидел рядом со мной на совещании, когда я сообщала о военной угрозе, возникшей на горизонте со стороны повелителей драконов против лидеров Каллиполиса, а затем резко включился в беседу. За то, что дал мне крошечную надежду, что, возможно, я еще не потеряла его.

Я винила его в том, что по-прежнему хотела ему верить.

Я желала этого так сильно, что душа разрывалась от боли.

А при мысли о том, что я только что поступила доверием Атрея Атанатоса и Амона Холмса ради глупой надежды, к горлу подкатывал тошнотворный ком.

Вернувшись в Обитель, я отправилась в мужское общежитие, чтобы найти Дака, который как раз собирал свои вещи. Им с Криссой были выданы предписания отправиться на Иску, чтобы встретиться с новопитианским посланцем. Архипелаг Иска был федерацией, соблюдавшей нейтралитет по отношению к нашим двум государствам на северо-восточном побережье Медейского моря. Даку с Криссой было приказано дожидаться ответа Радамантуса.

– Прошу тебя, будь осторожен. Лети как можно быстрее...

– Все будет в порядке, Энни, – заверил меня Дак. – В любом случае мы ведь летим на юг...

Однако это было плохим утешением после того, как мы узнали, что в небе кружат вражеские драконы. Два молодых дракона, еще не способных изрыгать боевое пламя, были плохой защитой в недружелюбном небе. Во время разговора Дак взял мои ладони в свои, и мне не хотелось отпускать его, хотя я и понимала, что должна это сделать.

– Пора, Дак.

На пороге стояла Крисса, зажав под мышкой шлем. Ее коса все еще была сырой от дождя. Мы слишком мало пробыли на земле, чтобы успеть полностью высохнуть. Она бросила взгляд на наши сцепленные руки, но ничего не сказала.

– Знаю. – Дак высвободил руки из моей хватки и откашлялся. – Не знаю, сколько мы там пробудем, но хотел спросить... Когда вернемся, ты поедешь со мной на праздник летнего солнцестояния?

Я поняла, что это были не просто слова. Он пытался подбодрить меня, найти нечто, на чем бы я могла сосредоточиться, думая о будущем. И при мысли об этом у меня перехватило дыхание.

– Да. Я поеду.

– Отлично. И обязательно уговори Ли.

Ли.

Я вспомнила, как мы с Ли молча стояли в пустынном коридоре, окутанном дождливым полумраком за окнами, и он произнес мое имя. В тот момент я не могла даже взглянуть на него, не то что разговаривать. И против воли ложь сорвалась с моих губ.

– Я уже спрашивала его. Он отказался.

Я не спрашивала его. Даже не заикалась об этом. Он думал, что мы, как обычно, проведем лето в Обители.

Но сейчас я не могла об этом думать.

Дак прищурился, глядя на меня. Даже Крисса казалась удивленной.

– Ладно, – ответил Дак. – Значит, вдвоем?

В его голосе прозвучала неуверенность, но он не был разочарован.

– Значит, вдвоем.

* * *

После их ссоры другие дети снова стали издеваться над ней, хотя долго не делали этого в его присутствии. Мальчик видел, как они воровали у девочки еду, преследовали ее, рвали тетради с домашним заданием прямо перед уроками, чтобы ее наказали. Но ничего не делал, чтобы это остановить.

Все это время ее слова не давали ему покоя. Поначалу он пытался отмахнуться от них, как от детской шутки, от умышленной лжи, зашедшей слишком далеко. Он убеждал себя, что она еще слишком мала и не поняла, что произошло с ее семьей. Но этого оказалось недостаточно. Она была не намного моложе его, и он знал, что она очень умна. Она все отлично понимала.

Мальчик отчаянно пытался осмыслить историю, которую она ему рассказала. И даже здесь он находил противоречия: возможно, она просто чего-то не учла. Даже если в стране когда-то и был голод, его отец не стал бы без серьезной причины наказывать свой народ...

Но эти размышления тоже заводили его в тупик, потому что он не мог придумать достойной причины для того, чтобы заставить девочку смотреть, как ее семью сжигают заживо.

Он пытался как-то примириться с тем, что отец и его дракон связаны с тем горящим домом, со смертью семьи, с тем, что девочку силой заставили смотреть на этот ужас. Но не мог придумать ничего, что помогло бы оправдать это.

И как отец мог такое совершить? Отец был смелым, благородным человеком. Его дракон сделал его предводителем народа. Он был не просто хорошим, он был великим человеком.

Эти убеждения, которые он принимал как нечто само собой разумеющееся до гибели отца, остались для него последним утешением.

Теперь же его вера в отца была запятнана. И, как он ни старался, не мог думать об отце без противного сомнения. Оно отравило все его воспоминания. Даже воспоминания о семейных трапезах и сказках на ночь.

Он потерял аппетит, лишился сна и не мог сосредоточиться на уроках. Он бесконечно думал лишь о том, как сохранить в памяти прежний образ отца, который хранил в душе до рассказа девочки.

В конце концов после долгих и мучительных размышлений он пришел к простому решению.

Он мог сбежать.

У него были припасы и подробный план. Он был готов к побегу, как никогда. Новый Питос ждал его. Ему не надо было уступать девочке. Не надо было делать выбор. Он мог просто уйти.

Энни

Казалось, весь мир начал разваливаться на части, и я теряла огромную его часть – Ли.

Вместо ужина и подготовки домашнего задания я сидела на каждом заседании вместе с Ли, Кором и Пауэром во внутренних покоях. Во время инструктажа, который Холмс проводил для всего корпуса, нам было объявлено о новом графике патрулирования северного побережья Каллиполиса, а также нам сообщили о том, что теперь наши учения приобретут узкую направленность. Теперь они будут сводиться исключительно к ведению воздушного боя, сильно отличавшегося от того, что мы демонстрировали зрителям на турнирах. А тем временем сами турниры приобрели совершенно новое, зловещее значение.

– В мирные времена звания Первого Наездника и Альтернуса были нечто большее, чем почетные титулы, – сообщил нам Холмс. – Но теперь нам надо быть начеку. Нам необходимо, чтобы главнокомандующий повел флот в наступление, а Альтернус прикрывал его с тыла.

Оба звания присуждались в заключительной части турнира. Кор и Пауэр взволнованно выпрямились, услышав слова Холмса, а Ли съехал на стуле, словно это сообщение придавило его непосильным грузом. После того, что случилось в небе над Северным морем, я стала замечать все, что он делал, словно нас соединила невидимая нить: я слышала каждое его слово и даже его молчание.

Каждое слово и каждая пауза – это шаг на пути к решению, которое мне отчаянно не хотелось принимать, однако я понимала, что должна.

Потому что время и свобода дали мне силу решимости, которой поначалу я лишилась из-за потрясения. Если мне придется выбирать, я должна сделать выбор, руководствуясь совестью и обетами, данными моей родине. Дружба не сможет оправдать измену.

И если Ли решит нас предать, мой долг – донести на него.

В ту ночь я лежала без сна, думая о Даке, бесприютном и беззащитном, летящем на спине дракона над Медейским морем. А еще я думала о Ли, юноше, которого, как мне казалось, я знала лучше любого другого, но после встречи с вражескими драконами над Северным морем поняла, что не знаю его совсем. И я отчаянно скучала по ним обоим.

На следующее утро у нас началась новая жизнь. Получив освобождение от занятий, мы вернулись в Орлиное Гнездо и приступили к учениям, занимаясь контактным боем, обращением с боевым оружием, быстрыми и жестокими способами заполучить победу, и победа означала уже не убийственный выстрел пеплом, а настоящее убийство. Когда в твоём распоряжении нет боевого драконьего пламени, которое сможет помочь в бою. И хотя неприятель так и не продемонстрировал нам боевое пламя своих драконов, нельзя было уповать на то, что они так же безоружны, как и мы.

Над Орлиным Гнездом повисла тишина, когда Горан сказал:

– Вот как правильно вспаривать горло.

Мы умолкли не потому, что раньше он не учил подобным вещам, а потому, что теперь знали о нависшей над нами угрозе и понимали, что нам придется воспользоваться этими знаниями. Ли молчал, понурившись и положив локти на колени, слушал, как Горан описывает способы убийства и травмирования вражеского наездника.

– Это враг, – говорил Горан. – Не соперник. – Даже слова теперь звучали по-разному.

Ли изо всех сил впился пальцами в колени, и костяшки его пальцев побелели.

А затем мы, как обычно, разделились по эскадрильям, и учения начались. Я натянула поводья, не давая Аэле приблизиться к Пэллору. Вместо этого я встала в пару к Максусу, аврелианскому наезднику из моего отряда. Ли, увидев мой маневр, встал в пару к Дейдре.

Впервые я добровольно выбрала для спарринга не Ли, а другого партнера. Обычно Горану приходилось просить нас разойтись.

Спарринг начался. Мы с Аэлой тут же прорвали оборону Макса. Затем еще и еще. Максусу удалось попасть в Шестнадцатый Орден, входящий в верхнюю часть рейтинга летного корпуса, но этого было явно недостаточно.

– О боже, Энни, ты хотя бы дождись сброса, – пробормотал он, потирая руку, которая пострадала от моего удара.

– Ты уснул, Ли? – донесся до меня вопль Горана из Орлиного Гнезда.

Хотя я постаралась удалиться подальше от них, тренируясь на другом конце арены, я все равно видела спарринг между Ли и Дейдрой. Похоже, критика Горана казалась непонятной большинству наездников, ведь Ли всякий раз удавалось пробить защиту Дейдры и нанести удар. Но я тоже заметила, что здесь не так. Ли не старался. Он прилагал минимум усилий, чтобы победить. Однако в случае Ли этого было достаточно. Потому что, даже действуя без энтузиазма, он был великолепен.

Глядя на него, я ощутила, как мое отчаяние перерастает в гнев.

И, похоже, Горан полностью разделял мои чувства.

– Аврелианская эскадрилья, у вас перерыв. Энни, Ли, меняйтесь партнерами. Ну-ка, взбодри его, Антигона.

Каждый раз, когда я оказывалась в воздухе, Горан забывал о своей привычке сбрасывать со счетов мои способности.

Пэллор и Аэла разлетелись в противоположные концы арены на десять метров друг от друга и, расправив крылья, покачивались на ветру. Мы с Ли внимательно наблюдали друг за другом из прорезей в защитных шлемах, зажав в руках тупоносые тренировочные копья и огнеупорные щиты. Мы и раньше учились обращаться с этим снаряжением, но поскольку оно всегда считалось лишь дополнением к боевому пламени драконов, то никогда не играло существенной роли на тренировках. Но теперь, когда нам угрожала целая флотилия беспламенных драконов, это снаряжение должно было стать хорошей альтернативой в сражении с врагом.

Аэла ощутила мою ярость, злобно пыхтя, она с нетерпением ждала, когда сможет броситься в атаку. Пэллор же, как и Ли, выглядел чересчур спокойно и отстраненно.

Горан подал сигнал, и мы рванулись вперед.

Мы с Аэлой оказались быстрее и изо всех сил врезались в Ли на Пэллоре. Пока они пытались оправиться от изумления, я перегнулась через крыло Аэлы и нанесла удар своей пикой. Ли выставил щит, чтобы заслониться от удара, но его реакция снова была недостаточно быстрой, и пика скользнула влево, пройдя мимо щита, ударив его в плечо.

Ли зарычал от боли. Он направил Пэллора в сторону, выходя из боя, и в этот момент я ощутила, как гнев внутри нарастает, грозя задушить меня. Потому что я сразу поняла, что только что произошло. Я не питала иллюзий насчет своей силы: наши возможности были равны в обычном спарринге, где мы использовали друг против друга горячий драконий пепел. Но

сейчас речь шла о рукопашной схватке, а я была в два раза меньше его и не обладала такой мощью. Мне вообще не стоило наносить ему этот удар.

Мы снова врезались друг в друга, и, несмотря на удачный момент, Ли не прикоснулся ко мне своей пикой, а я снова ударила его.

«Давай сражайся, ублюдок. Отвечай мне, тряпка, не смей вести себя так со мной...»

В это мгновение взорвавшийся во мне гнев перелился в Аэлу, и я почувствовала облегчение и одновременно новую волну еще более страшной ярости. Наши эмоции слились в один поток. Перед глазами повисла пелена, и я услышала крик Ли.

– С тобой не все в порядке!

Этот резкий окрик вернул меня в реальность, хотя из-за нашего общего с Аэлой гнева все вокруг казалось немного расплывчатым. Мои мысли эхом отдавались в ушах, и я поняла, что не управляю своими действиями. Ли сорвал с головы шлем, я заметила белые круги у него под глазами, когда он пристально посмотрел на меня. Другие пары, тренировавшиеся вокруг, тоже прекратили спарринг. Я могла только догадываться, что бы они подумали, услышав мои вопли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.